

АЛЕКСЕЙ
СЕЛЕЦКИЙ

КОГДА НАСТУПИТ
НОЧЬ

ЗВЕЗДАНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Алексей Селецкий

Когда наступит ночь

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165505

Когда наступит ночь: АСТ; 2000

ISBN 5-17-003397-4

Аннотация

Их мало, и их все меньше.

И – самое страшное – они врозь...

Они живут среди нас. Древние. Те, в ком есть хоть капля Древней Крови. Могущественной крови. Крови народа, что был уже стар, когда мир наш был еще юн. Они – ведуны, лекари, воины, маги. Они – веками ведущие бой, коему нет и не будет конца, Бой с посланниками Тьмы, с приспешниками Мрака. И Сила Врага – все сильнее. И временем истинной власти Зла настанет время, КОГДА наступит ночь...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	59
ГЛАВА 4	81
ГЛАВА 5	104
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Алексей Селецкий

КОГДА НАСТУПИТ НОЧЬ

Сериал «Древняя кровь»

ГЛАВА 1

Землю давно затопили густые летние сумерки, но на вер-
хушках облачных башен еще мягко дотлевали искорки заката.
Где-то у горизонта перемигивались зарницы дальней гро-
зы, красновато вычерчивались силуэты туч, но грома слыш-
но не было. Журчала вода, орали лягушки, занудили кома-
ры – самые обычные звуки встречающей ночь дикой приро-
ды. Но басовитый рокот все-таки пробился сквозь них – мед-
ленно нарастающий, мерный, явно непохожий на гром. Под
облаками разворачивался взлетевший с военного аэродрома
«Ил», свистел турбинами, брал курс на юг, уходил в подоб-
лачную темноту.

Из густой травы за пульсирующим красным огоньком сле-
дил человек в потертой куртке, заляпанной зелеными и ко-
ричневыми пятнами камуфляжа. Даже на таком расстоянии
он мог бы рассказать о чувствах и мыслях тех, кто уносил-
ся ввысь и вдаль в толстом дюралевом брюхе. Полсотни, не
меньше, молодых ребят летели на встречу с войной – для

большинства первой, для кого-то, не дай Бог, и последней, об этом они тоже думали и не скрывали своих чувств. Александр чувствовал их волнение и испуг, страх перед неизвестностью. Это явно не ветераны-омоновцы, летящие в очередную «командировку».

«А вот интересно, у „бородатых“ такие способности есть или нет? – подумалось вдруг. – Есть, наверное, что-то свое, хорошо хоть не занялись этим... Вот тогда бы мы красным умылись по маковку. И так-то хватило...» Ночное небо ушло куда-то в сторону, вместо сумерек в памяти всплыло бешеное горное солнце.

... В узкой тени остатка стены недавно разрушенного дома сидели серо-желтые от пыли люди и жадно глотали горячий воздух. Воздуха не хватало на всех, ребра пытались прорвать выгоревшее «хэбэ», скинуть бронежилет вместе со всеми магазинами и гранатами, открыть белесому небу судорожно всхлипывающие легкие – дышать, дышать!.. Даже для тренированного, но родившегося на равнине молодого парня высокогорье – не лучшее место для забега на сто метров. Бежать пришлось гораздо дальше, причем не по прямой. Пулеметчику со склона горы их прыжки и зигзаги могли бы показаться забавными, но не попал ведь! Это сейчас главное. А легкие успокоятся, им не впервой.

Первым отдышался невысокий узкоглазый крепыш, перепоясанный поверх бронежилета длинной пулеметной лентой.

– Ну что, влипли, – все-таки пришлось прерваться на вдох, – или еще нет? И откуда он, ... такая, долбит?!

Остальные прислушались. Пулемет молчал, но незаметно выбраться из-за стены явно не удалось бы.

– Не разводи пар, Миша, и без того дышать трудно. Не привык еще? – откликнулся кто-то от другого края стены.

– Тихо вы, дайте командиру подумать.

Все замолчали. Командир сидел, закрыв глаза, дышал спокойно и размеренно, словно решил вздремнуть в свободную минутку. На загоревшем до кирпичного цвета лице выделялись два белесых шрама. Молчание затягивалось. Минута, другая, третья... Разведчики начали беспокоиться. Александр, сидевший ближе всех, дотянулся до скрытого брезентом плеча и слегка потряс:

– Товарищ капитан, вы не ранены?

– Нет, все нормально. – Командир так и не приоткрыл глаза. – Кулиев, надень на ствол каску и подними над стеной. Только сам вслед за ней не сунься.

Крепыш с пулеметными лентами снял с головы горячий стальной колпак в матерчатом чехле, аккуратно приладил к стволу своего пулемета, оглянулся на капитана – тот все так же сидел с закрытыми глазами, – и приподнял оружие. Над головами звонко продолбило, посыпалась каменная крошка, солдат убрал каску.

– Этот сойдет, – в голосе капитана слышалось такое удовольствие, словно он выбрал спелый арбуз в грудe безнадеж-

но зеленых. – А теперь по моей команде то же самое, но еще одну каску сбоку, из-за угла.

Разведчики насторожились. Мало им пулеметчика, так еще...

– Готовы? Товсь... давай!

Долбящая струя свинца и стали, и почти не различимый в грохоте одинокий выстрел. Каска со звоном летит в пыль – та, что высунулась из-за угла.

– Так, нормально. – Капитан открыл глаза. – Больше сюрпризов не будет. Саша, подствольник заряжен? Сядь на корточки лицом к стене. По команде поднимешься, двести перед тобой и чуть слева на склоне дерево, под ним куст – бей туда, добавишь автоматом. Кулиев, твоя цель – влево вперед четыреста, над лощинкой обломок скалы, постарайся накрыть обе стороны, бей длинной с рассеиванием. Главное, чтобы не высунулся. Остальные – выпрыгиваем влево. Дальше и чуть вниз – сарай, за ним под кустами канава, нам туда. На бегу огонь по лощине слева. Всем ясно? К бою... вперед!!!

Александр вскочил, бесконечно длинную долю секунды искал взглядом дерево и наконец выстрелил. Одновременно с мощным хлопком гранатомета рядом зарокотал «пэкаэм» Мишки.

Смотреть, где тот булыжник и лощинка и накрыл ли их пулемет, было некогда: главное – поймать на пляшущую мушку куст и удерживать трясущийся автомат, чтобы не вело в

сторону. Граната взорвалась чуть дальше, чем надо бы, а перезаряжать нет времени...

Кулиев, как потом оказалось, зацепил-таки снайпера, разбил и винтовку и прицел, но то ли стрелок уполз, оставив бурые пятна, то ли его утащили. Пулеметчик лежал в окопчике между кустом и деревом, уткнув заросшее черной бородой лицо в самодельный приклад. Спина была пробита осколками гранаты, несколько пуль попали в плечо. В ложине нашли еще два трупа, из-под маскировочных курток виднелись черные рубашки. Судя по следам, были и другие, и их нужно было опять гнать по горам, пока они не бросят оружие или точно так же не упадут на землю, которую не поделили два братских советских народа...

Уже внизу Александр подошел к командиру и задал вопрос, на который пыталась себе ответить вся разведгруппа:

– Товарищ капитан, как вам удалось их тогда засечь? Пулеметчика – ладно, он по нам стрелял, а снайпера? Чутье?

– Чутье, – совершенно серьезно ответил капитан, затягиваясь «беломориной». – Ты, кстати, их тоже мог бы почувствовать. Только опыт нужен, ну и чуть-чуть умения.

– А это сложно? Товарищ капитан, а других вы этому научить можете?!

– Не могу, Саша, не могу. Может быть, научишься сам, а может, тебя научат. Другому чему – могу, но и то не всех. Кулиева, например, и учить не стоит, не получится у него – по крайней мере, я не научу. Другие, может, и смогли бы. -

В голосе командира слышалась не то печаль, не то зависть.

* * *

...Кавказские горы растаяли в российских сумерках. Точнее, в ночи – пока Александр бродил по прошлому, «транспортик» исчез за облаками, да и на самих облаках вместо заката заблестел лунный свет.

Капитан действительно кое-чему научил сержанта-разведчика. Потом эта наука пригодилась не раз и не два – и в горах, и «на гражданке». И в другом оказался прав – позже нашлись те, кто научил еще большему.

Александр улыбнулся, вспомнив первую встречу. Эффектно, ничего не скажешь: ночью, на лошадях... Поездка по городу верхом, ноющие с непривычки ноги, романтика! Впрочем, теперь он и сам в такой ситуации предпочел бы коня, а не «Мерседес». Тем более, что через узкие проулучки между домишками прошлого века «крутая тачка» попросту не пролезет, а мотоцикл разбудит всех окрестных старушек...

* * *

В сенях было темно и пахло мышами. Тонкая полоска све-

та обозначила контур двери, лучик выбивался из замочной скважины, подсвечивал ручку. После сегодняшних приключений, сильно напоминавших голливудскую постановку в исполнении деревенской самодеятельности, за дверью вполне можно было увидеть хоть дубовый стол с древними фолиантами и филином, восседающим на человеческом черепе, хоть прокуренную комнату с десятком хмурых и небритых, некогда интеллигентных личностей, с «калашниковым» на раскладушке и бутылками по углам.

Помещение приятно удивило. Книги на полках вполне современные, половина названий и авторов знакома, на старом резном столе – новенький компьютер, на подоконнике – самовар... увы, не старинный, а электрический. Вместо бородатого старца – мужчина лет пятидесяти, оторвавшийся от клавиатуры только через несколько секунд после появления гостя.

– Приехал-таки? Ну заходи, Саша, заходи, не стой на пороге. Не удивляйся, что сразу на «ты», можешь точно так же и по имени – Олег, и все. Да ты заходи, присаживайся, разговор долгий.

Сначала Александр никак не мог понять, что его настораживает в этом радушном хозяине. Мужик как мужик, глядит спокойно, лицо чуть морщинистое, обветренное, усы подстрижены, как у одного отставного политика-генерала, и такая же шевелюра с густой проседью. Лицо нормальное, одежда нормальная, только вот человек какой-то не такой. И по-

чему-то вспоминается бывший командир.

– Что-то беспокоит? Ну так задавай вопросы, ты ведь именно для этого сюда приехал. Да садись ты! Чаю хочешь?

Назвавшийся Олегом шагнул к самовару, и тут до Александра дошло. Человек в комнате был, и в то же время его не было!

То есть и пол под ногами скрипел, и тень на стену падала, и обои через него не просвечивали – а все-таки не чувствовалось, что рядом есть живой человек. Александр попробовал посмотреть «внутренним зрением», которому в свое время научился у капитана – нет человека! Самовар горячий есть, вода из него в чашку льется, а человека рядом глаза видят, а безошибочное до этого чутье – нет. Дела-а-а...

Хозяин обернулся, поймал удивленный взгляд. Нахмурился, не понимая, и вдруг рассмеялся.

– Ах, вот в чем дело! – Александр даже отшатнулся – настолько внезапным было «появление». – Не знал, если честно, что ты это так воспринимаешь. Люди обычно не реагируют.

Вопросов стало еще больше, и далеко не все – приятные. Если «люди» – отдельно, то кто перед ним? И за кого здесь принимают его, Александра?

Олег вздохнул. Похоже, умел читать мысли. Впрочем, не исключено и то, что у приходящих сюда впервые людей (или нелюдей?) мысли не отличались разнообразием. «Сейчас он начнет мне задвигать про избранную расу, какое-ни-

будь предначертание или пришельцев», – подумал Александр. С сектантами и просто обчитавшимися всего подряд полусумасшедшими сталкиваться приходилось, но в сочетании с только что продемонстрированными способностями и, в конце концов, разъезжающими по ночному городу всадниками – впервые. От мистики и людей, организованно ею занимающихся, хорошего обычно бывало мало. Впрочем, на очередное «Белое Братство» тоже не слишком похоже.

– Саша, давай договоримся: я тебя не прошу верить, а ты не удивляешься и не считаешь меня психопатом. Просто представь себе, что мы обсуждаем одну интересную теорию. Что ты слышал о древнем народе? Не о скифах или сарматах, а о тех, кого так и называли – Древний Народ?

* * *

После того разговора мир стал намного сложнее. Не оказалось избранной расы, оказалась просто другая. Древняя. Обладавшая не совсем обычными для человека свойствами. Растворившаяся в европейских (и не только) народах. Собирающая своих по капле – капле того, что сами они называли Древней Кровью. Отличающая «своих» по смутным, иногда ошибочным признакам: дремлющим и неожиданно раскрывающимся способностям, незаметным для посторонних чертам лица... Олегу пришлось чуть ли не по потолку ходить, доказывая свою правоту. В конце концов опытный в беседах

мудрец Древних чисто по-человечески махнул на все рукой и отправил оппонента спать в соседнюю комнату – наутро обоим на работу идти. Предложил заглянуть в субботу, если возникнут новые вопросы и желание воспринимать ответы.

Вопросы возникли раньше, но Александр, как ни бился, не мог найти дом. Маршрут запомнил, ориентиры совпадали – например, нависающая над дорогой газовая труба, об которую чуть не расшиб голову, проезжая верхом. Даже следы копыт отыскиались – а вот дома не было. Не знали никакого Олега и вообще кого-то похожего и старушки на лавочках, поначалу принявшие рыскающего и высматривающего молодца в пятнистой куртке за бандита или воровского «наводчика». Впрочем, после предъявления «книжечки» с фотографией (пропуска в НИИ, но этого бабушки явно не разглядели) отношение явно переменилось, и Александр узнал много интересного – от сведений о соседях, сдающих квартиру подозрительного вида «кавказцам», до цен на самогон. Вот только Олега все равно никто не мог припомнить. Это пахло откровенной чертовщиной и добавило вопросов, а также уважения к своему новому знакомому.

В субботу на том же самом месте дом оказался. Причем рядом с лавочкой, на которой сидели старушки, приветливо кивнувшие «следователю» и тут же зашептавшиеся за его спиной. Оставалось только предположить, что в молодости (да и сейчас по случаю) старушки отправлялись на Лысую гору в компании с Древними.

Олег стоял на пороге и добродушно усмехался.

– Заходи... разведчик. Вот когда окончательно станешь одним из нас – найдешь в любое время. А на старушек не косись – они просто смотрят, но не видят. В старину на Руси это называлось «отвод глаз». Вот отсюда и легенды о невидимых дворцах и прочем. А на самом-то деле все довольно просто, сам научишься. Если захочешь, конечно.

Разговор вернулся к тому же, на чем закончился:

– А для чего вам именно я, если и кровь у меня не самая чистая, и способностей не намного больше?

Олег помрачнел, помолчал немного, словно раздумывал, говорить или нет. Потом решился.

– Потому что ты умеешь то, что не умею, например, я. А может, и умею, но хуже. Этого умения когда-то Древним и не хватило – может быть, к счастью. Но сейчас, Саша, оно нужно больше, чем знание традиций или целительство. Я не сказал тебе прошлый раз...

Александр напрягся. Знакомое предчувствие – словно ствол в спину. Кажется, он догадался, какого человеческого умения не хватало Древним. Спросил одними глазами, но Олег понял.

– Да. Война. Нам нужны воины – не солдаты, не пушечное мясо, но все-таки те, кто может...

– Людей?!

– Ты же видишь, обычным людям мы можем просто внушить, что нас нет. Хуже, Саша. Нас самих. Точнее, таких же,

как мы... и не только. У нас всегда были свои, не слишком известные людям враги. Впрочем, и с людьми они обычно не церемонились, даже с теми, кто им помогал. И сейчас, похоже, наших сил не хватит – по крайней мере тех из нас, кто не надеется остаться в стороне.

Слова, слова... сколько есть на свете хороших и нужных слов, особенно если надо уговорить кого-то кинуться на злобного врага.

– Однажды наш взвод обстреляли из той же деревни, откуда за неделю до этого мы вывозили больных детей и женщин. Оказалось, пришли бородатые «агитаторы» и рассказали, что на самом-то деле всех увезенных злые русские солдаты отправили в Россию то ли как заложников, то ли вообще для опытов... Не обижайся, Олег, но я навоевался на всю оставшуюся жизнь. И надеюсь, что все-таки отвоевался. К тому же – за кого или против кого мне воевать? На чьей стороне? Кто из вас Темный, кто Светлый? – уж извини, но к первым не хочется, а в Светлые Витязи не гожусь. Грешен, понимаешь ли...

Собеседник неожиданно улыбнулся, попытался бороться с улыбкой – но проиграл и расхохотался во все горло. Отдышался он только через пару минут.

– Н-ну, Александр, от тебя-то не ожидал. Ну ладно юноши бледные с глазами горящими, для них раз Древний Народ – так эльфы, Вечная Битва Света и Тьмы... Тоже начинался?! Нашел святых и безгрешных... Ты своего команди-

ра помнишь?

Вопросы взвились в голове и разлетелись. Остался только один, и Олег кивнул в ответ.

Через пару месяцев Александр поехал в соседнюю область. Деревня, которую ему указали, оказалась самой обычной – не горсткой затерянных в лесу срубов и не покинутой людьми грудой развалин. Серебристая башня водокачки, стадо коров, грохочущий по улице «Кировец»... Постучал в окошко нужного дома. Никого. Толкнул калитку – та с пронзительным визгом распахнулась. Из-за дома выглянул седой старик:

– Кого надо?

– Николай Иванович здесь живет?

– Здесь, здесь, где ж мне еще жить. Заходи, не стой на пороге, – старик подошел к Александру. Всосал табачный дым из короткой трубки, оглядел гостя с головы до ног. – Откуда приехал-то?

– Из Желтогорска, я должен...

– Олег, значит, прислал, – не столько спросил, сколько подтвердил дед и снова приложился к чубуку. – Небось в воины тебя готовит? Зря это он, ну да ладно. Буду учить... если все выдержишь. Городской или деревенский?

– Городской.

– Эт хуже. Ну, тогда пошли на первый урок. Скидай свой мешок, во-он там под сараем лопата. Как тебя звать? Фамилия мне пока без разницы, только имя.

– Александр.

– Шурик, значит. А меня зови Иванычем, вся деревня так. Ну, пошли, Шурик, на огород. Яблоки любишь?

На кого угодно был похож этот старик, только не на могучего и мудрого наставника воинов Древнего Народа. По крайней мере такого, каким себе представлял будущего Учителя сам Александр. По рассказам Олега выходило, что этот Иваныч мог бы при желании раскидать пяток бывших разведчиков или навсегда упокоить хоть графа Дракулу, хоть Фредди Крюгера – даже обоих сразу. «Внутреннее зрение» показывало самого обычного деревенского старика – аура не исчезала, как у Олега, и не светилась ровно и ярко, как у виденных до этого воинов Древних...

Иваныч с кряхтением прошел вперед, наклонился за лопатой. Внезапно, без всякого предупреждения или хоть разворота, кинул ее в сторону Александра – тот едва успел перехватить.

– Молодец, Шурик, – из-под седых бровей сверкнули озорные глаза. – Небось, в десанте служил или еще где?... А простым казаться – это посложнее, чем исчезать. Еще сложнее простым быть, но этому я тебя не научу. Чему другому – посмотрим. Наша Кровь в тебе хороша, да и сам ты ей помог. Думаю, и обучишься, и испытания пройдешь. Будет у Олега в кругу новый воин. Пошли, в земле-матушке покопaeшься. Заодно расскажешь, что на душе накипело. Честно говори, не бойся, не обидишь. У нас друг от друга не таятся – сам

увидишь, почему. А прежде всего расскажи, чем тебе наш народ не нравится.

Александр опешил. Об этом он никому... даже себе... Иваныч расхохотался:

– Эх, молодежь!.. Все-то вы у нас особенные, все, что с вами, то впервые в мире! Думаешь, кому-то из нас легко поначалу было? Выйди на улицу, любую бабу спроси, как легко рожать – так то младенца! А ты самого себя, считай, заново рождаешь, взрослого, со своей готовой душой. Мало кто сейчас Древним рождается, все больше становятся. Может, оно и неправильно, но что ж делать? Пошли, а то стемнеет скоро.

* * *

Обучение он прошел и испытания выдержал, но в Воинское Братство вступить отказался. Не стал настоящим Древним. Не остался обычным человеком. Одиночка. Так даже было удобнее – до тех пор, пока в душу не вгрызалась непонятная тоска.

И сейчас он тоже был один, никого вокруг. За грядой дальних холмов светилось зарево города, с разных сторон перемигивались огоньки деревень и дачных поселков – до ближайших было несколько километров. Сюда Александр приезжал расслабиться, отдохнуть от своей двойной (или даже тройной) жизни. Хоть немного побыть с самим собой – ну, и с природой.

Этого ему не хватало ни на Юге, ни в городе – степь с ковылем и полынью, деревья вдоль реки и птичий хор в ветвях на рассвете. Говорили, что у каждого Древнего должно быть свое место, чистое во всех отношениях и спокойное – что ж, вполне возможно, именно «свое» он здесь и нашел. А может быть, просто хотел отдохнуть по-человечески. Здесь всегда было спокойно.

Но не сегодня. Почему-то нормального отдыха не получалось. Переливы грозового пламени на горизонте... они всегда завораживали. Трава, деревья, животные – все вокруг спокойны, не нужно быть Древним, чтобы это понять. На всякий случай проверил «защитную сеть», оберегающую от незримого вмешательства – мало ли что, всякого успел насмотреться и послушаться. Все чисто. Листья шелестят, комары пищат, лягушки надрываются – что же не так?

Все-таки гроза! Эх-мать, хваленый разведчик с хваленной же наблюдательностью, глаза и уши хоть армии, хоть Древнего народа! Только сейчас дошло.

Второй час нагромождение облаков плавно ползло к востоку, но пару минут назад словно взбесилось. Не проходило и пяти секунд – и черные глыбы на миг вырисовывались на фоне зарева, умиравшего в судорогах, чтобы через несколько мгновений вспыхнуть вновь. Лихорадочно метались километровые столбы пламени – ослепляя бело-голубым из-под туч, просвечивая зловеще-багровым – и все это без гула и ударов, сосредоточено и молчаливо...

Никогда не боялся грозы, а вот теперь захотелось от-
вернуться, спрятаться, не видеть этого мрачного буйства.
От мерцающих громад шли холодные колючие волны, из-
вивающиеся огненные удавы гипнотизировали, притягивали
взгляд... Неладно тут что-то. Нервишки не из слабых, да и
для дрожи вроде бы причин нет – на таком-то расстоянии,
что и гром не доходит. А страх все накатывал и накатывал,
словно ледяной прибой.

Минута, другая, пять, десять... Ну-ка, стой! Почему это
они бьют в одну точку?!! Впрочем, «точка» может быть чуть
ли не полкилометра диаметром, точнее отсюда не опреде-
лишь, но все-таки: тучи уползают – а вот место, к которому
они тянут свои жгучие щупальца, остается прежним. Словно
небо решило выжечь дотла в чем-то провинившийся кусок
земли. Или что-то высасывает из туч этот огонь...

Александр попробовал мысленно сосредоточиться на ме-
сте, выбранном мишенью для грозы. По спине ударило холо-
дом и жутью, по глазам – как ледяной плетью! Отблески за-
рева превратились в гневный взгляд, высматривающий наг-
леца – сейчас одно из огненных щупалец метнется сюда, до-
тянется, испепелит. Уже чувствовалась нарастающая мощь,
вот-вот она прорвется... Врешь, не возьмешь! Сил не хва-
тит, далеко!

Кто-то на горизонте словно понял то же самое, и огненный
взгляд отступил.

...Разведчик медленно приходил в себя. Однако! Или ему

пора к психиатру, или там что-то есть. Или было и ушло. Или не что-то, а кто-то. Иначе все, кто его учил – начиная с командира – заразные психи, хотя таких и не бывает. И вообще все это бред и галлюцинации, все Древние, новые и сверхновые. Однако весь опыт и чувства свидетельствовали как раз о другом. А раз так, то нечего на облака попусту смотреть – пора делом заняться.

Разведка есть разведка – если нужны сведения о снежном человеке, виденном у деревни Забубеновка, разведчик должен точно выяснить и в срок доложить, кого приняли за йети: сбежавшую из зоопарка гориллу, зашедшего из тайги медведя или тракториста из этой же деревни, после недельного запоя посиневшего, заросшего и ревущего дурным голосом. Александр засек направление, наметил ориентиры, чтобы уточнить на рассвете. Расстояние не определишь, но полосу поисков это даст. А что искать – выжженную глину, обугленное дерево?

Сотня ударов подряд не дала бы даже задымиться столетнему дубу – только головешки разлетелись бы. Ни одно существо, ни живое, ни, кстати, призрачное – с ними Александру тоже доводилось уже драться – не устоит перед потоками плазмы, бьющей вдоль «канала» молнии.

Гроза утихала, уползала дальше, уже «обычная», бросавшая молнии лениво, изредка, в беспорядке – уставшая, выжатая, выдоившая огненное молоко. Вот только кто мог подойник подставить?

В сущности, в снайперской точности молний не было ничего удивительного – Древний Народ научился притягивать их задолго до Ломоносова, Рихмана и Франклина. Но никто из известных Александру умельцев не занимался этим и не собирался заниматься в ближайшее время. Да и умения на только что виденный фейерверк не хватило бы – все-таки не одна-две «искорки», а чуть ли не половина грозового фронта. Рассуждения, впрочем можно пока отложить. И даже нужно, иначе привлечешь к себе внимание. Мало ли что ТАМ за нежить, до сих пор мурашки по спине. Лучше предоставить разведданные (а не разведдомыслы) тому же Олегу. Ему с потусторонней жутью привычнее – она его зачастую сама боится. Если может, конечно.

...Солнце, пробившее лучами утреннюю дымку, увидело фигуру с зеленым горбом рюкзака, спешащую через поле к станции электрички. А с запада плыли новые ряды туч, и под ними смутной цветной полоской светилась первая радуга наступающего дня. Она становилась все выше и выше, загибалась аркой – и под эту арку с дробным перестуком покатались вагоны, проскальзывая между скрывающими город холмами. С аэродрома взлетел очередной «борт», набирал высоту, уходя от приближавшегося грозового фронта.

ГЛАВА 2

– Это ты, Саша, молодец. – Голос Олега был если не радостным, то уж довольным точно. – Это ты вовремя там оказался, прямо как в рекламе: «В нужное время в нужном месте»... Так, а куда же я ее положил?! Давненько не доставал, все по памяти, по памяти...

С треском и шорохом на пол рухнула груда книг и тетрадей, по комнате пронеслась пыльная волна. Раскопки в книжном шкафу. Древность. Солидный и благообразный мудрец, встретивший Александра на пороге, сейчас был похож на взъерошенного пса, раскапывающего забытую косточку. Косточка потерялась или вообще сама собой переползла на другое место.

К ногам скользнул очередной фолиант. Александр осторожно поднял увесистый томик. Ничего себе, книжечка! «О видениях духовных», позапрошлый век, «Санкт-Петербургъ». Чего только не найдешь в поисках нужного... А, кстати, что нужно?

– Вот она! – Олег вытянул из шкафа продолговатый рулон бумаги, стряхнул засохшего таракана. – Ну-с, попрошу к столу!

Бумага с легким похрустыванием развернулась и оказалась картой окрестностей города. Не столь уж древней – всего-то двадцать лет как издана. В уголке даже штамп сохра-

нился: «Для служебного пользования». Разноцветные значки разбежались по полям, по лесам... особо плотно они собрались на холмах около города. На военные обозначения не слишком похоже. На геологические – тоже.

– Не обращай внимания, это все дела давно минувших дней. – Хозяин карты, как всегда, угадал мысли. – Где это ты ночевал?

Александр достал из стаканчика карандаш, присмотрелся и поставил крохотный кружок севернее города. Тут же из ящика стола была извлечена офицерская линейка с транспортиром.

От кружка по карте наискось пролегла карандашная линия. На ее пути попались дом отдыха, речной островок, поселок, гряда холмов...

– Где-то здесь. Не ближе этого острова, даже подальше, пожалуй. Грома не слышно было.

Карандаш перешел к Олегу, тот отчеркнул часть линии. Потом

снова провел две линии – от кружка по обе стороны первой.

– Это у нас поправочка на все огрехи наблюдения... С запасом даже, но проверить все надо. Особенно меня интересует вот этот район. – Карандаш метнулся к холмам и обвел их широким пунктирным овалом. В этот овал попали два странных значка, расположившихся рядом с основной линией. – Здесь когда-то не самое приятное место было. Может

быть, кто-то решил старое вспомнить, а может, и само вылезло.

– А что это вообще такое? Сколько не думал – непонятно. Вроде бы и ты меня учил нечисть распознавать, и после... не знаю. Просто не могу вспомнить.

– Ты знаешь, ведь я, старый склеротик, тоже. Ни разу с таким не встречался. Иначе сразу бы сказал: «Ага, это у нас был бармаглот пупырчатый! Осиновым колом его, и все нормально!» Вообще-то двух одинаковых случаев в этом деле почти не бывает – разве что кто-то умудрится на те же грабли дважды наступить. Догадки у меня есть, а вот узнать точно – это для тебя и Володи работа. Сегодня вечером свободен?

– Занят. А почему именно с Владимиром?

Олег посмотрел с лукавым «ленинским» прищуром.

– А почему бы и не с ним? Знаю, знаю, недолюбливаете вы друг друга. Зря, но это уж сами разбирайтесь. Пока что вам будет задача: не позже чем через два дня прочесать эти холмы. Ничего не найдете – тоже результат. Но вот чует моя седая... скажем так, спина, что все-таки именно там. На остальные участки не отвлекайтесь, туда другие пойдут.

– Может, и мне с ними?

– Не надейся, пойдешь с Володей, и еще с его компанией. Вдвоем вы там и за неделю не управитесь, да и мало ли что.

В других местах без тебя пока обойдутся, а здесь, если я еще что-то понимаю, потребуется твое чутье. Ты теперь это место найдешь быстрее других, узнаешь его лучше и точнее.

И вообще, у нас сейчас ни одного ведуна отвлечь нельзя, а ты хоть и молодой, но хотя бы человеческий опыт в таких делах есть. Поэтому в драки не лезь, великого воина из себя не строй, сейчас твое дело – узнать и вернуться. Поэтому компания тебе будет еще и для прикрытия. Так что звони Владимиру и договаривайся, когда и где встречаетесь. Я его сегодня еще увижу, суть дела объясню. Еще вопросы есть?

– Есть. Что там было раньше и когда именно? Что это вообще за значок?

– Раньше... Раньше там было много чего. Когда-то текла река, а еще раньше было море. А века три-четыре назад – раскольничий скит. А век назад в этом месте зарезали друг друга три брата. Просто так – подрались, схватились за ножи – и насмерть. Как тебе нравится такая легенда? Мне тоже никак не нравится. А по соседству каждый год, даже засушливый, грибы растут – хоть косой коси! И ни одного съедобного при этом, одни поганки. О чем это говорит?

– Не знаю.

– И я пока не знаю. И никто не знает. А если кто знает, тот не говорит. Вот только место это все пытаются стороной обходить, даже кабаны. Но кому-то надо было в самую серединку.

– Это... кто-то из Древних?

– Из наших – нет, я бы точно знал, – Олег нахмурился, усы нервно зашевелились. – Понимаю, что ты сейчас думаешь, но... вряд ли и другая сторона стала бы лезть в подобные

дела. Нагадить на нашей земле они могут и по-другому, да и не это главное. Пока что никто не связывался с такими делами только для войны. Рискованно – и себя обнаружишь, и с тем, что натворил, не справишься. Так только люди могут, и то... – не договорил, задумался. В глазах мелькнул грозный огонек. – Может быть, и люди, хотя до сих пор за ними таких умений не наблюдалось. Вот только этого нам не хватало – если всякая местная самодеятельность начнет себе из проклятых мест Места Силы создавать... Так что иди и смотри. А пока можешь не думать, как бы на часы поглядеть – беги, а то на свидание опоздаешь.

– Олег, от тебя вообще мысли скрыть можно?!

– Можно. Особенно если не поправлять левый рукав и не пытаться дотянуться до дома своей подружки горящим внутренним взглядом. Слушай, я все понимаю, любовь и прочее, но про маскировку-то не забывай! И вообще сегодня ходи осторожнее. Не помешает после такой ночи.

* * *

Автобус раскачивало и било на ухабах. При каждом толчке мешки и сумки пассажиров пытались поменяться местами с хозяевами, а из корзинки сидевшей впереди старушки слышался многоголосый писк. Цыплятам явно не нравилась такая поездка. То же самое могли о себе сказать молодые парни, занявшие задние сидения. Особенно это было замет-

но по лицам двоих – того, что был чуть постарше остальных, и брюнета в пятнистой куртке. Оба не отрывали взгляда от пейзажа за окнами, но глядели так, словно автобус ехал по бесконечной помойке.

Скрежет, лязг, отчаянное рычание, потом облегченное пофыркивание – старый «ПАЗик» перевалил через гребень холма и покатился вниз, к деревне. Сначала из-под колес испуганно взлетали не то воробьи, не то жаворонки, затем с отчаянным кудахтанием выскочили две курицы и наконец на центральной площади автобус выгнал из лужи несколько гусей. Дверь несколько секунд шипела в раздумьях, но все-таки решила выпустить ошалевшее от поездки содержимое салона.

Старушка с цыплятами выгружалась долго, в несколько попыток, попеременно благодаря шофера и проклиная свое старое здоровье и врачей райцентра. Вслед за ней потянулись все остальные.

– Ну, пошли! – парни взвалили на плечи рюкзаки, защелкали пряжками широких поясов, достали продолговатые брезентовые чехлы.

– На рыбалку, ребята? – поинтересовался водитель. – Сейчас, говорят, судак по ночам на резку хорошо берет.

– А где именно? – откликнулся тот, что постарше. – Ближе к Белогорскому или у оврагов?

– У оврагов, только чуть подальше. Как меловую осыпь пройдете, так с галечника и бросайте, – шофер оживился,

чуя родственную рыбацкую душу. – Мелочь для резки ловите по траве. Малявочница есть? А то могу поделиться своей старой, недорого отдам.

– Спасибо, земляк, все свое. Лучше подскажи, как на овраги удобнее пройти. Вдоль реки долго, а через холмы ни разу не ходили еще.

– Вот как выйдете к холмам, там две дороги будут – вдоль леса и по гребню...

Один из брезентовых чехлов задел край двери. Глухо звякнул металл. Разговорчивый водитель осекся. Потом, видимо, решил, что не его дело, какими удочками будут рыбачить и кого ловить, и продолжил:

– По гребню точно не собьетесь, там на Трех Братях только один овраг обойти придется по лесу, но можно и напрямую, тропа есть, увидите...

Странные пассажиры пошли по пыльной главной улице на дальнюю окраину деревни. Шофер вылез из автобуса, захлопнул дверцу и посмотрел вслед. Пошел было в сторону магазинчика, остановился, призадумался. Прислушался. Удивленно оглянулся на удаляющиеся рюкзаки – по деревне чужаки идут, и хоть бы одна шавка из-под ворот выскочила! И не лает никто из-за заборов. Даже старая карга баба Фрося сидит на лавочке и не ворчит на пришлых, что, мол, шатаются тут, а потом поясница болит. Непонятный народ какой-то, ну их... Впрочем, за проезд оплатили, и все, можно забыть.

Так и случилось. Когда открылась дверь магазинчика, во-

дитель думал только о холодном «Жигулевском». Спроси его, кого привез, о парнях с рюкзаками и не вспомнил бы.

...За деревней начался подъем, солнышко припекало, спина под рюкзаком сразу взмокла. Пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог... из-под ботинок, если быть точным. Перед глазами качается рюкзак, сзади слышится тяжелое дыхание. Слабовата молодежь, однако. Тут еще можно подниматься спокойно, без лишних усилий. Можно пока не думать ни о чем. Это даже лучше. Иначе начнешь думать о вчерашнем. «Прости, Саша, я тебя люблю, но родителей я люблю больше...» Да, и намного. Это было заметно. Проклятые способности, чертова настороженность – превращаешься в ходячий детектор лжи! На базаре это хорошо, а не в разговоре с невестой... Теперь уже, скорее всего, бывшей невестой. Лучше бы этого не видеть. Не видеть, как спокойно она это говорит, как полыхнули чувства, когда предложил идти с ним... И не видеть разницу между тем, как она говорит о тебе как о «хорошем, честном, добром» – и как о «кормильце семьи». «Ты знаешь, я не могу носить нашу обувь...»

Сам виноват. Привык быть честным и говорить с честными. А как будешь врать, когда все вокруг сразу же видят твои чувства, маскируй их или нет? Вон Владимир впереди вышагивает, слова не скажет – если не по делу. И так все ясно. Прав был Олег, прав, после всего с людьми жить все труднее будет... Ну вот, уже сам себя человеком не считаю. А кто я – волк? Завыть сейчас было бы в самый раз.

Рюкзак впереди начал разворачиваться. Сейчас этот весь из себя великий воин что-нибудь как скажет...

– Слушай, я не знаю, что у тебя вчера было, но попробуй это из себя не выпускать, ладно? От твоей злости сейчас трава сохнуть начнет. Мне твои красные всплески весь обзор перекрывают. Давай делом займемся, а чувства потом выпустишь... разведка.

И ведь придраться даже не к чему, опять прав. Постоянно прав. Идеально. Рыцарь без страха и упрека, великий борец с Тьмой во всех разновидностях. Включая бородатую. Хорошо хоть не ввернул: «Вот у нас под Кандагаром однажды...» Бывало с ним такое раньше. Может, и сейчас бывает, только без меня, где-нибудь только при своих «орлах». Любит наш герой свысока посмотреть, любит. Все мы не без греха, впрочем. Уважать его есть за что, только вот давайте я это по собственному желанию делать буду. Ну вот какого идола Олег не мог с кем-нибудь другим послать? Ладно, займемся делом. Вот как раз и полоса наша начинается, во-он от тех кустиков. Ниже тут вряд ли молния ударила бы, все ровное, голое и низкое. И ничего не чувствуется – степь да степь кругом...

– Ну что, чуешь что-нибудь? – рюкзак опять повернулся боком.

– Здесь вряд ли. Давай выше пройдем. С вершины степную полосу посмотрим, там выжженное пятно должно бы остаться.

– Дельно. Пошли.

Пошли. Дошли до вершины, Владимир достал из кармана рюкзака бинокль, махнул остальным.

– Привал, рюкзаки не снимать!.. Сам посмотришь или я?

– Давай лучше ты, а я без него. Верхним зрением.

Верхнее зрение – это как чутье у собаки, когда она ловит тончайшие остатки запахов. Степь стала далекой, огромной и разноцветной. Деревня внизу мерцала и переливалась, каждый ее житель добавлял свой оттенок и постоянно менял его.

На дороге медленно остывал и исчезал след. Местами на придорожной траве багровели язычки невидимого пламени – ай как стыдно-то, прав ведь вояка! Все равно что идти с колокольчиком на шее и еще знаки расставлять: «Здесь был Саша». Остается только надеяться, что больше на это смотреть некому. Чужим, по крайней мере. Так, а теперь отметим свою полосу. Во-о-он там около реки сидел... островок... значит, где-то в этом направлении.

Ничего. Ничего особенного, по крайней мере. Обычная жизнь. Обычные смерти: чуть поодаль мелькнула черная искорка, взлетел коршун с трепыхающимся тельцем в лапах. Самое потустороннее и противоестественное явление – ручеек голубоватых сполохов вдоль линии стальных опор, опять какая-то мелкая нежить у ЛЭП пасется. На деревенском кладбище все спокойно. Как и положено нормальному погосту, место когда-то было освящено и с тех пор никакой

идиот на нем ни кошек ни резал, ни кресты не переворачивал. «Тихо-мирненько спят покойнички – удивительная благодать» – кто же это пел?

А скоро начнутся другие песни. «Кто ищет – тот всегда найдет»... вот только не на свою ли голову? За спиной – холмы, лес, и что-то там точно есть. Угадал Олег. Или знал.

– Владимир! – бинокль опустил. – Нам дальше по дороге и в лес.

– Подъем! Попрыгали дальше! – ребята поднялись, оторвали от земли рюкзаки. – Точно по дороге? Значит, пойдем без нее.

Спорить не хотелось. Все так же грело солнце, но спить было совсем не жарко. Постепенно под куртку, под кожу, в душу забиралась давешняя ночная жуть. Не короткой вспышкой-встречей, а всерьез и, похоже, надолго. Где-то впереди, среди деревьев, лежал черный клубок. Колючий такой, с очень острыми иглами.

На опушке небольшой отряд остановился. Достали и собрали оружие, проверили, зарядили. Это – против людей, если потребуется. Против нечисти и нежити пули не помогут. Даже короткий меч, который повесил себе на пояс Владимир, может не справиться, хоть и заговоренный, и с серебряной насечкой на клинке. Мелочь отпугнет, а против серьезного противника – не оружие. Конечно, если используется сам по себе. Каждый в отряде знал, как воспользоваться таким клинком и как обойтись без него. Если не можешь спра-

виться с нежитью своими силами, то зачастую не помогут ни железо, ни серебро.

Взмах руки из стороны в сторону – разошлись редкой цепью. Еще взмах – зашелестели кусты. Зяблик, с интересом рассматривавший людей с ветки кряжистого дубка, завертел головой. Пискнул испуганно, взлетел и поспешил убраться подальше от непонятного. Люди на кого-то охотились, но не по-человечески, а по-звериному. Они не топотали, не хрустели ветками, не разговаривали – исчезли среди леса, затерялись в нем, только шорох сухого листа иногда выдавал их продвижение. Раньше в этом лесу так ходили только волки и забредавшие из деревни кошки.

Александр скользил между ветвями, нащупывал ботинком землю

– с носка на пятку, с носка на пятку, сдвинуть, не попасть на сухой сучок, с носка на пятку... В лесу разведчику ходить сложнее, чем по степи или городу. Хуже опавшей листвы и веток, пожалуй, только осыпающиеся горы – там не только зашумишь камешками, но и сам за ними запросто отправишься.

Не привык ходить волчьим шагом – держи ноги, через пару сотен метров начнут отваливаться. При любой спортивной форме, хоть у атлета, хоть у гимнаста. У гимнаста чуть позже.

Черный клубок колот все больнее, но где же он залег? Хорошо, что потусторонняя жуть теперь чувствовалась слабее –

заялся конкретным делом, подобрал нервы. Взгляд перебегал по деревьям, шарил по траве слева и справа – пока никаких следов огня. И чутье подсказывает то же самое. Лес беспокоится, что-то его недавно встревожило, но это «что-то» не здесь. А где? Дальше, наверное. И скорее всего, правее. Если просто прочесывать весь массив, это не на один день работы. Тем более что полоса поиска уходит дальше вдоль холмов и расширяется, там вообще километр поперек и не меньше семи вдоль...

Справа краем глаза уловил шевеление, через секунду показался один из парней Владимира, махнул рукой. Что-то нашли.

Среди леса стоял расколотый молнией клен. Уголь с верхних сучьев еще не осыпался, не размылся дождями. Около трещины темнело влажное пятно сока, вились мошки. Прикоснувшись к стволу, можно было почувствовать отголосок боли дерева – небо ужалило недавно, клен еще не пришел в себя после удара и не начал постепенно затягивать страшную рану. Но других воспоминаний живая древесина не хранила. Молния была обычной, вслепую нашарившей ствол повыше. По крайней мере, большего сказать было нельзя. Или не хватало опыта, чтобы разглядеть то, что видели привыкшие общаться с лесом бывалые Древние. Александр убрал руки с коры и обернулся:

– Владимир, как ты дума... – и осекся, увидев глаза стоявших рядом. Вопрос, ожидание, надежда. Его не проверяли

и позвали не для уточнения. Все ждали его ответа, его решения. Они что, сами ничего не почувствовали?

Мозг обожгла догадка: да они же просто не привыкли все узнавать сами! Распознать врага, заметить удар, нанести ответный, скрыть следы – это их дело, в этом они мастера величайшие. Если им говорят, кого искать или что сделать – делают лучше всех. А сейчас для них именно он, Александр, не принесший клятв и не прошедший посвящения – тот, кто узнает, почувствует и подскажет. Разведчик. Ведун. Настоящих ведунов здесь нет, а без них они... просто воины. Со всеми способностями и чутьем Древних – солдаты. Всех сокрушим – только покажите, где и кого. Проведите разведку и растолкуйте маневр. Можем и сами, но лучше, если кто-то более умелый. И они правы – только какой из него умелец?

Какой уж есть, видно. Интересно, в каком случае Олег говорил правду: когда сказал, что он нужен Древним как воин, или когда посылал сюда вместо ведуна? Выясним... когда вернемся. А сейчас смотрят, ждут ответа и совета. Нехорошо ребят подводить. Еще хуже, если сомневаться будут, туда ли идем, то ли делаем, что надо. Придется быть тем, кем назначили... вот древний хрыч, это ж сколько теперь ответственности!

– Здесь чисто. Видно, одна из случайных, в начале или конце той же грозы. Давай правее, нам, похоже, туда.

Неизвестно, почему, но после этих слов сам почувствовал, что оказался прав. Именно правее, недалеко отсюда, кило-

метра полтора. На поляне.

— Куда именно, знаешь? — в голосе Владимира не было иронии. — Показывай направление, мы за тобой.

По лесу прокатилась заливистая птичья трель. Вторая. И еще одна — сигнал для тех, кто еще не подошел. Догонят по дороге, заодно по сторонам и за спиной у остальных посмотрят, нет ли кого и не слишком ли наследили.

Пошли. Вышли на тропинку, пересекли — и опять через кусты и ветки. Так было лучше. Так не отделяешь себя от леса, не идешь через него, а двигаешься в нем. И чувствуешь то же, что и он. Лесу не нравился черный клубок, нарушавший спокойствие, а странные люди, не похожие на людей по своим повадкам и чувствам, могли убрать мешающее. Если бы лес мог, он бы расчистил прямую дорогу, чтобы дошли быстрее. Впрочем, пришельцы, ставшие его частью, в дорогах почему-то не нуждались.

За деревьями мелькнуло яркое пятно, потом стволы расступились, и внезапно открылось огромное небо и туманная полоска горизонта. Гребень холма, а дальше — обрыв, река и степная равнина за ней. И никаких ожогов на зеленой траве. Александр удивленно огляделся — вроде бы шел правильно...

— И где?... — раздался голос за спиной. — Не похоже, чтобы здесь что-то было.

Все-таки что-то здесь не так. Не такая уж мирная лужайка. Александр поднял руку — не мешайте! Сел на скрещенные

ноги, закрыл глаза... Земля чуть колыхнулась – или только показалось? Словно зверь перевернулся во сне с одного бока на другой. Глубоко внизу. Древний зверь, огромный, страшный, если проснется. Но сейчас спит. И еще... что-то помнит это место. Неприятное воспоминание. А где же черные колючки, мешавшие всю дорогу? Где-то на краю чутья – слишком мешало то, что ощущал под собой.

Расстегнул пояс рюкзака, скинул лямку с правого плеча. Карта лежала в кармане клапана – новая, без пометок. То, что видел у Олега, запомнил и так. Вот деревня, вот холмы и лес...

– Знаешь, куда мы вышли?

– Уже догадался. А куда нам теперь, в том же направлении или кругами? – доверие Владимира к новоявленным вековским способностям, судя по голосу, сильно пострадало. «Все-таки это хорошо – что не прячем чувств. Честнее. Лучше так, чем как вчера...» – воспоминание всплыло, ужалило в сердце и скрылось. Некогда. Потом.

– Водила сказал, здесь где-то должна быть тропа через овраг, так что пошли напрямую. Одолеем?

Ответное «хм!» можно было истолковать двояко. То ли как «А куда ж мы денемся!», то ли «Мы-то одолеем, а вот ты?» В любом случае сомнения в собственной повышенной проходимости не было. И то хорошо. Свои способности в хождении по склонам и обрывам Александр знал давно.

Тропинка нашлась довольно быстро. Серая полоска ко-

со перечеркнула косогор, скрылась в кустах шиповника на дне и кое-где выглядывала из травы на другом склоне. Подъем будет легче – длинным зигзагом между деревьями, а вот спуск... не осыпался бы под ногами.

У спуска Владимир чуть придержал за рукав.

– Подожди, сейчас не ты первый. Серега! Вперед!

– С чего бы такие почести... – Александр попробовал пройти, пальцы на рукаве напряглись.

– Не шали, разведка! Сейчас не твой черед. Сейчас ты у нас особо ценным грузом идешь. Как бочка со спиртом – чтоб не расплескался случайно, – Владимир через плечо посмотрел, как по тропе бежит белобрысый парень с карабином наперевес. – Кто его знает, может, нас там ждут. Ты знаешь, – голос снизился до доверительного шепота, – я тоже много что чувствую, но у тебя сегодня лучше получилось. И с направлением, и вообще... Не зря тебя Олег выделяет, не зря. Вообще ты первый, кто Посвящение не прошел, а в таких делах участвует.

– Ты знаешь, может, ты и прав, – таким же шепотом откликнулся Александр. – Вот только если бы нас ждали серьезные и злые люди, то смотрели бы через прицел с того склона.

Владимир тяжело вздохнул.

– Это вряд ли. Я бы почувствовал. А вот у тебя, прости уж, в таких делах опыта маловато. Людей и ты бы учуял, а у нас воюют по-другому. Салага ты еще на этой войне. Только

без обид, ладно? Дерешься хорошо, но у нас не это главное. Чутье у тебя на зависть многим, а опыта пока нет. Научишься. Хотя я бы не советовал лезть в войну, раз в Братство не вступил. Это не просто обряд для будущих крутых, но раз не прошел, не почувствовал – не поймешь. Я знаю, что у тебя свобода, сам себе командир и все такое, но... Влипнуть можешь по глупости со своей свободой. Ладно, потом все это. Вперед, теперь твоя очередь, – фигурка Сергея скрылась в кустах на дне, махнув вверх-вниз рукой. Чисто, можно спускаться.

Следы ботинок на тропинке перемежались с отпечатками копыт кабанов и оленей. Зверье бегало на водопой уже после дождей – значит, все вроде бы спокойно. Хотя на таких тропинках как раз их и подстерегают... Вспомнилось, что опытные охотники не глядят прямо на намеченную жертву, чтобы зверь не почуял. Впрочем, и охотники разные бывают. Ох, не надо бы сейчас об этом думать, опять холод подбирается. А может, и на пользу: острее почувствуется, куда идти надо.

Именно что острее: стоило начать подъем, как черные иглы ударили в грудь. Не выдержал, согнулся от боли, упал и чуть не скатился в овраг – кусты задержали. Ш-ш-шиповник! Мать-мать-перемать... Не куст, а моток колючей проволоки! Щека в кровь, куртка в колючках, хорошо, что глаза целы. Тут же над головой прошла горячая волна, растеклась по склону. Интересно, что там Владимир заметил?! Или просто перестраховался? Действительно как ценный груз прикры-

вает. Вон как поскакал вниз – не спеши, все в порядке, дальше иду! А ведь снова прав оказался. Салага и есть – защиту не усилил вовремя. Если бы в бою... Александр вспомнил парня, который в стычке с каким-то кланом изгоев-Древних не смог удержать свой невидимый щит. Говорили, что его можно вылечить, что все пройдет через пару месяцев... Но даже временно превращаться в пускающее слюни и обиженно взрывающее существо не хотелось. Уж лучше пуля.

Однако верной дорогой идем, товарищи. Теперь черный клубок – уже не клубок, а копошащийся комок ледяных игл, похожий на огромного морского ежа – был виден четко, стоило лишь прикрыть на секунду глаза. Почти что пришли. Подождем, пока все соберутся.

За оврагом начался плавный подъем. Шли по дубраве – молодой, не слишком высокой и кряжистой. Посадили для укрепления прибрежных обрывов, наверное. Прошлогодняя листва между деревьями местами была словно перекопана или вспахана – лакомка-кабан добирался до желудей. Расплодились хрюшки, а ведь несколько лет назад почти всех постреляли. Приспособились. Может быть, поэтому рядом никого из них не чувствуется. Надо, надо бояться человека с ружьем. Если ружье есть, многим хочется пострелять. Вот только нам почему-то не хочется. Хорошо бы обойтись без лишних приключений. Хоть с кабанами, хоть с людьми. Того, что впереди, хватит с избытком, не утонуть бы в этой каше, пока расхлебываем. Идти приходится напролом, как че-

рез кусты – колючки все время упираются в грудь, в лицо, в живот, кажется, что хруст слышен. Черный комок шевелится все быстрее – тоже боится? Или обеда ждет? Подавится.

Резкий запах горелого почувствовали все. А вроде бы дожди прошли... Как же тут воняло в ту ночь! Гарь какая-то странная – не только дерево и трава, что-то еще. Словно мясо на сковороде. С какими-нибудь специями – едкий запах, даже голова кружится, или она не от запаха? Сейчас подойдем, разберемся, подойдем ближе, ближе... Вот он, «ежик», и веки опускать не надо – через деревья видно, сейчас, сейчас...

– Стой! Стой, говорю! – резкий рывок за плечо, обида, а потом злость – кто это мешает? Лицо Владимира перед глазами странно расплывалось и менялось. Что ему нужно – вот, уже пришли, чего еще? Что-то говорит, кому-то приказывает – почему бы просто не пойти вперед, или испугался, вояка?!

Чего боишься?!

Расплывчатая фигура вскинула руку, с пальцев сорвалась красноватая искра и ужалила в плечо. Да что он, с ума сошел?! Пальцы еле заметно засветились, сейчас ударит сильнее, а кто-то такой же расплывчатый заходит справа, тоже руку поднимает. Детские игры затеяли? Иваныч чуть ли не в первые же дни научил, что в таких случаях делать. Н-нну!..

Вокруг Александра закружился невидимый вихрь, красная вспышка размазалась и брызнула спиралью искр. Тут же

фигуры и лица стали четкими, перестала кружиться голова. Стоило расслабиться, как нахлынуло снова. Вот оно что! Придется вихрь так и дальше поддерживать. Плохо только, что из-за него не чувствуется, где именно наша колючая цель, но все равно идти недолго осталось.

– Ты как, в порядке? Не сильно обжег? Что ж ты, сам не мог, твою мать! Я тебе ору: «Закройся!», а ты, как козел за морковкой, прешься!

– Теперь-то не ори, а? Не слышал я тебя. А закрутил бы раньше, не нашел бы, куда идти. Я сейчас почти ничего не чувую, только запах, а ты?

Владимир остывал, как раскаленное железо на воздухе – медленно, постепенно теряя красный оттенок на щеках.

– Эту вонь не почуять трудно. Какое дерьмо здесь палили?! Ладно, сейчас дойдем, увидим. За спиной держись. Еще раз забудешь про защиту или не будешь приказы исполнять – в лоб бить буду, без разговоров, раз по-другому не доходит.

Свободный ты или какой, но если тебя в овраге кинуло, надо дальше не лаптем щелкать, а чего другого ждать, понял?! Достался салабон на нашу голову... Как тебе на Юге ноги не повывергивало? Подставишь остальных – сам займусь!

И возразить нечего, и сил возражать не осталось. За полчаса

– где там, минут за двадцать – дважды так по-глупому влипнуть. Это тебе не «барабашек» из сараев гонять. И не

«серых волков» по горам – те хоть не мешают нормально соображать. Вернемся, попрошусь на повторное обучение или на дополнительные тренировки, или что у них бывает. Все. Пришли.

До грозы здесь была не слишком широкая поляна. Теперь проплешина в лесу заметно увеличилась за счет ближайших дубков. Под ботинками поскрипывал пепел, повсюду валялись обугленные сучья. От самих деревьев осталось немного – черные коряги с белеющими трещинами, пни... Чуть подальше стояли просто обожженные деревца. Несколько из них задели чудовищные «искры», но надежда на выздоровление была.

Чудовищный ожог на теле леса. Немой крик боли проби- вался даже сквозь защиту – все вокруг было поражено не столько огнем, сколько ужасом. Только кольцо гари мертво молчало – не осталось ни одной травинки, в которой мож- но было бы почувствовать жизнь. Людям всегда становится не по себе, когда они попадают на подобные пожарища. Древним приходилось гораздо хуже – впервые Александр почувствовал это родство с природой на себе.

До этого подобное ему довелось испытать только одна- жды...

* * *

... "Вертушки" проскочили между лесистыми холмами и

пошли над долиной. Рокочущий вихрь от винтов врывался в открытые иллюминаторы и дверь, резал глаза, мешал всматриваться в проносящиеся мимо ложбины и заросли. Вряд ли кто-то рискнет обстрелять пару, ошестинившуюся стволами, но и идиотов с автоматами бегают по этим горам слишком много.

Собственно, вылет этот был уже не их работой. Вообще их дела в этой республике (а теперь – суверенном государстве) закончились еще несколько месяцев назад, когда несколько президентов договорились избавиться от одного. О том, что десятки тысяч здоровых и вооруженных мужиков вдруг оказываются за несколько границ от дома, почему-то не вспомнили. Приходилось разбираться самим. Не пришло пополнение, никто не хотел умирать за страну, которой уже не было – «деды» разведроты собрались и решили не уезжать по домам, не бросать молодежь, пока всех не выведут с Юга. В ответ на требование новой власти перейти под ее трехцветные знамена над казармами поднялись красные флаги – государство умерло, но армия жила. И сражалась – чуть ли не через ночь бывшим «бородатым», а теперь «полосатым» (переименованным по наклепленным где можно и нельзя «триколорным» нашивкам) приходилось доказывать, что оружие и технику со складов отдают только по приказу «сверху», поштучно и под расписку. Вчерашние боевики никак не могли понять, почему же нельзя просто вломиться и взять... и почему брошенные всеми солдаты и офицеры не бросают все

и не идут домой.

Но на этот раз их попросили о помощи. Попросили не «полосатые», а командир местного ОМОНа, с которым разведчики прошли не одни «боевые». Просил не как солдат – как людей.

На небольшой городок напали то ли боевики, то ли такая же «суверенная армия», но другой стороны. Местное ополчение частью poleglo, частью отступило, не выдержав боя – танки и бронемашины против двух десятков автоматчиков. Отступавшие пробились из окружения – мимо сел с «другими» жителями. В этих местах воюющие стороны жили раньше вперемешку, и линия фронта вполне могла проходить по улице, делившей одно село на «их» и «нашу» части. По словам выживших, из города вышла еще одна колонна беженцев, как раз в сторону этой долины. К «своим» до сих пор не вышел никто.

Вертолет нырнул вниз, заложил вираж. Что-то прокричал омоновец, показывая в дверь, на земле мелькнула разноцветная редкая россыпь. Камни? Командир рванулся к летчикам, машина выровнялась и начала снижаться.

– Приготовились! – пробился через грохот голос капитана. Вертолет коснулся земли колесами. – Пошли!

Разведчики и омовцы выскакивали, разбегались вокруг вертолета, занимали позиции. Выпрыгнул капитан, махнул одной рукой, другой. Перебежками, прикрывая друг друга, двинулись к склонам долины, к деревьям и кустам. Над го-

ловами кружилась вторая «вертушка».

Бежавший впереди знакомый омоновец вдруг споткнулся обо что-то в высокой траве. Черный берет слетел с головы. «Попали», – мелькнула мысль. Александр провел стволом по сторонам – никого, и выстрелов нет. А парень стоял, согнувшись и с ужасом глядя под ноги. Автомат бессильно покачивался на ремне.

Несколько прыжков, присесть, оглядеться, перебежка...

– Юрка, ты что?! Ранили? Ложись!

– Не наступи, не наступи на нее, – голос Юрия был еле слышен сквозь шум вертолетов. Александр посмотрел на то... на ту... Омоновец наклонился и бережно, словно спящую, поднял маленькую девочку, прижал к себе, понес к вертолету. Сначала показалось, что на ней просто коричневая курточка...

Они опоздали на несколько часов. Девочку просто застрелили, автоматной очередью – случайно или по доброте душевной. Со многими другими поступили не столь милосердно. Женщины.

Дети. Подростки. Старики. Несколько мужчин вполне зрелого возраста, на одном из них была милицейская форма с пустой кобурой для «макарова». У другого на поясе висел охотничий патронташ с несколькими гильзами – может быть, вначале по привычке не выкидывал, потом стало не до того. Этих двоих изрешетили сразу. Чуть подальше лежали несколько молодых девушек – на их тела сначала старались

не смотреть, потом чувства притупились, отказывались воспринимать увиденное. Отрубленные головы. Вспоротые животы. Кровь на седине.

Глаза, безразлично глядящие мимо опоздавших защитников.

Судя по следам, найденным разведчиками, беженцы уходили пешком, бросая последние вещи – несколько сотен. Оставалось пройти несколько километров до ближайшего «своего» села, когда из леса навстречу их колонне выехали два БТРа. Сначала бегущих расстреливали из автоматов и пулеметов, потом пожалели патроны – стали догонять и давить колесами, оставляя кровавые колеи. Разбегавшимся среди деревьев стреляли вслеп, почти в упор для «калашниковых». Уцелевших согнали... может быть, несколько человек увезли с собой. Но вряд ли.

Вечером, в казарме, Александр впервые увидел своего командира пьяным. Почти до бесчувствия. И впервые сам пил водку стаканами, на глазах у офицеров, пил, пока не упал на койку. Кто снял с него заляпанные кровью ботинки и форму, он уже не помнил. Ночью на часть опять напали «полосатые», лезли на склады, и разведроту поднимали по тревоге – кроме тех, кто летал в горы.

* * *

Выгоревший круг среди леса болел в душе так же, как та

долина. И было еще что-то общее, но что именно – ускользало, не пробивалось через боль.

– Привыкай, – раздался непривычно тихий голос Владимира.

– Такое сейчас бывает все чаще. Когда-то именно этим люди нас выгнали из наших лесов – огнем по живому. Огонь – это больно, но не самое страшное. Бывает и хуже, когда вроде бы и лес стоит, а настоящей жизни в нем... – не договорил, махнул рукой.

– А от чего такая вонь?

– Сюда посмотри, – воин достал нож, разворошил комок слипшихся углей. – Поганки горели, по всей поляне, – острие ножа, словно стальная указка, описало широкую дугу. Действительно, таких комков было множество – больших, поменьше, крохотных... Александр представил себе, как это место должно было выглядеть до пожара. «...Грибы растут – хоть косой коси! И ни одного съедобного при этом, одни поганки...» Теперь будем выяснять, что это значит.

– Вокруг пройдите! Если был кто живой и без крылышек, то следы остались.

Двое двинулись в разные стороны, внимательно вглядываясь в пепел. Александр осторожно пошел к середине поляны, обернулся:

– Володя... Прикрой, если что.

Иногда казалось, что пепел под ботинками шевелится. Нервы. Идешь, словно по минному полю, словно пытаешься

вовремя почувствовать тончайшую леску поперек или просевшую на волосок пружинку, отдернуть ногу до того, как ударит и обожжет железом. Невидимый вихрь вокруг колыбался и дергался, что-то пыталось пробраться внутрь, дотянуться до наглого пришельца. Интересно, а если сюда придет обычный человек, без всяких хитростей и умений? Хотя вряд ли придет. Выберет другую тропинку, пойдет в обход и сам не поймет почему. Приятнее или короче покажется. Если же особо любопытный... вот сейчас дойдем и выясним.

В самом центре выгоревшего круга что-то торчало из земли. Сначала Александр принял это за одну из коряг или обгоревший и сломанный стволлик молодого деревца. Потом понял свою ошибку. Не хочется смотреть на это другим зрением, ой как не хочется, черная колючая масса теперь не просто рядом – вокруг и под ногами. Только и ждет малейшей слабину. А все равно придется приоткрыться.

– Володя, прикрой!

Иглы впились, рвали на части, проходили насквозь и возвращались – ледяные и огненные одновременно. Несколько мгновений – и Александр рухнул на колени, из последних сил закружил вокруг себя спасительный вихрь. Отдышался. Все-таки не зря! Пары секунд хватило на то, чтобы распознать главное – по черной палке змеился, переплетался ярко-голубой узор с ослепительной золотой искрой на верхушке. Посох. Из тех, что иногда называют «магическими жезлами». И еще – шага на три вокруг посоха пепел был чуть

другого цвета, а внутреннее зрение показывало в этом месте еще и слабые красноватые искры. Все, больше сил не осталось, пусть доделывают другие.

Встал, пошатываясь, побрел по своим следам, стараясь наступать точно на отпечатки ботинок. Дошел до пенька, чуть не упал снова – подхватил за плечи подбежавший Владимир.

– Там... посох... и круг... До круга... можно дойти... дальше... не знаю...

– Понятно. Да ты сиди. Кому сказал, сидеть! Свое ты уже сделал – молодец, теперь наш черед. На вот, хлебни пару глотков, – в зубы ткнулось горлышко открытой фляжки. Глотнул, не почувствовав ни вкуса, ни запаха, глотнул еще и поперхнулся. – Дыши, дыши, это штука полезная. Сам смешивал. Ребята, помогите Сашке кто-нибудь, я пошел работать!

Глухо ударился о землю рюкзак, прошипел выскальзывающий из ножен меч, легко скрипнул пепел под ногами. Александр смотрел вслед. Когда шел по гари, поляна казалась огромной. Владимир в десяток шагов, не больше, дошел до того места, где кончалась цепочка следов. Опустился на одно колено, провел клинком над землей. Не поднимаясь, перешагнул-перекатился на полшага, коснулся земли другим коленом. Снова блеснул серебром меч.

Шаг-перекат, блеск, шаг-перекат... Клинок словно ударился о что-то у самой земли, короткими движениями прошупал воздух. Потом острие впилося в землю, по поляне

прокатился хруст. Меч вспарывал землю так, словно его уже перековали на плуг-орало. В груди Александра шевельнулась зазубренная льдинка бывшего ужаса – ночь, вспышки и бешеный взгляд из-под облаков... Тем временем Владимир провел вторую борозду, встал, спокойно подошел к посоху, оглядел с разных сторон, не прикасаясь. Было слышно, как он сначала удивленно хмыкнул, потом выматерился сквозь зубы. Вернулся на край поляны – похоже, скоро к посоху будет хорошо заметная тропа...

– Ну что там?

– Сразу и не поймешь. Похоже, здесь не один человек работал.

– Человек?

– Может быть, и Древние. Что-то странное здесь, словно кто-то попытался и наши способности использовать, и человеческую магию. Даже и не человеческую...

Но не к добру это все затеяно.

Льдинка снова зашевелилась, цепляясь краями за сердце, перехватывая дыхание. Не к добру, точно. Причем первыми в этом убедимся мы сами.

– А что это за нечисть тут завелась?

Владимир махнул рукой:

– Нечисть как нечисть, не в ней дело. Да ты и сам с ней наверняка встречался, просто здесь гнездо завелось – их тут десятки... По отдельности эти твари крутятся там, где любым разладом и распадом пахнет, как крысы на помойке. Лесные

полянки после буйных горожан видел? Передергивало тебя от этого? Вот примерно то же самое. Ни ума, ни силы, если по отдельности. Я, правда, такой стаи не припомню, даже не говорил никто.

– У них что, в стае способности так усиливаются? Лесная грязь обычно сама в сторону шарахается, а эти словно хозьева устроились... И еще – у меня такое чувство, что не мы здесь охотники. Те, кто это натворил... они словно рядом где-то.

– Они сами – нет. А вот место это они на себя завязали крепко. Почему я посох не стал брать, знаешь? Он тут как ключ воткнут. Вытащи – и нечисть на вольную охоту отпустишь, и тебя самого шарахнет, а силы накопились немерено. Там в круге остались линии, я такие видел однажды: все, что вокруг рассеяно, ударит в центр круга. Ты засек, там трава выгорела не сразу при грозе? Везде почти в пыль разнесло и дождем смыло, а в середине кое-где даже корешки живые остались. Внутри стояли те, кто этим всем управлял. Тогда их круг защитил, а теперь как капкан работает. Выдерни или обломи посох – и все. А через эту палку они или сейчас берут, что надо, или потом придут за ней.

Выдерни или обломи... а ведь можно и попробовать. Одна очень интересная мысль появилась, но вот опять бы салажонком не оказаться. И очень мешает дурное чувство, что времени не так уж много.

– А через этот посох они нас достать могут?

Владимир задумался. Поглядел на посох с сомнением, поднял глаза на ясное небо. Опять посмотрел в центр поляны-пожарища.

– Ты знаешь, вообще-то могут. Но сейчас... не знаю, вряд ли. Если сами глупостей не наделаем. Вот же гр-ребучий потрох! – внезапно разозлился воин. – Уйти отсюда просто так нельзя. Если кто-то из наших с такими делами связался – это уже не изгой даже, а не знаю кто! А узнаю... – рука на мече судорожно сжалась. – И взять нельзя, и не оставишь. Даже если засаду оставить – без толку. Они могут и не подойти, и вообще они сейчас и в городе на диване этим местом воспользуются запросто.

– А если веревкой зацепить и дернуть, что будет?

– Плохо будет, – проворчал Владимир и снова оглянулся на посох. – Нечисть еще ладно, не впервой гоняем, а кто дергать-то будет? Даже если я сейчас опять круг закрою, веревки хватит, чтобы все накопленное вышло и по сторонам шарахнуло.

Идея окончательно созрела. Можно использовать по назначению.

– Иди, закрывай круг и готовься нечисть гонять. Ты уверен, что если посох выдернуть или сломать, то других последствий не будет?

– Это ты что собрался делать?! Сам выдернешь, что ли?! Сдурел, жить надоело, решил геройски загнуться?! Да я тебе!..

– Не ори, а то его сейчас от твоего вопля выдернет! Еще раз спрашиваю – все остальное обеспечишь? Только по делу, без нервов!

– Ну, обеспечу, и что? Плевком сшибешь или камнями кидать будешь?... – тут Владимира тоже осенило. Лицо растерянно вытягивалось.

– Ты кем служил-то? Только без лапши на уши! Я уже слышал, как ты то по горам бегал, то на вертолете летал, то из «Гвоздики» стрелял. Кем?

– На «Гвоздике» и служил, наводчиком... – отвернувшись в сторону, пробормотал бывший «афганец». – А что рассказываю, так это чтоб молодежь училась... Когда о себе говоришь, а не о ком-то, лучше доходит.

– Педагог... Эх, «бог войны», так помаленьку и разучишься по-человечески воевать. Ну, самоходки твоей сейчас нет, обойдемся подручными средствами. Серега! Одолжи «Сайгу» на минутку! А ты иди, иди, обеспечивай безопасность...

Минуткой не обошлись. Давящее чувство нарастало, нарастало... долго возимся, долго! Ну, вроде бы и заканчивают, все на местах.

– Готово?

– Давай! Н-ну, напряглись-уперлись!.. Глаза берегите!

Тонка палочка, но с такого расстояния да не попасть... да еще и с упора – хороша развилка, и по росту как раз... да еще и бывшему стрелку-разряднику. Давно, правда, это было, – спортивный тир, кольцо мушки, тренер с трубой...

Но было же! И потом пригодилось. К сожалению. Вдо-о-ох, замри, плавно кончик пальца на себя...

Хлопнул выстрел. Александр успел заметить брызнувшие у самой земли щепки – как раз куда надо! – и тут же ослеп от бешеной бело-лиловой вспышки. Земля дернулась, ушла из-под ног. И без того уже ободранная об кусты щека проехала по обугленной коре, зацепилась за щепку или сучок – черт, больно-то как! И ничего не видно, а на слух – только великий и могучий русский мат. Видно, правду раньше говорили – нет лучших заклинаний от нечисти и нежити, чем русские народные...

«Внутренним зрением» тоже почти ничего видно не было. Зеленоватые стены живого леса, между ними – темно-серая колышущаяся масса и красно-желтые вспышки. Изредка черкали по серому голубоватые полосы, змеились и дергались. В общем-то узнаваемо. Не одними матюгами работают.

Серое облако начало распадаться на узкие черные полосы, змейками ускользящие от вспышек пламени. Одна змейка кинулась к Александру, пронырнула между красными стрелами, пущенными с двух сторон... Не страшно. С такими можно и вслепую. Даже лучше, ничто не отвлекает. Голубая полоса протянулась от вскинутой руки, закружила черное, смяла в комок и сдавила. Легкое покалывание в руке – и комок исчез. Действительно, знакомые твари.

Постепенно вернулось и обычное зрение, хотя разноцветные круги перед глазами все еще мельтешили. Протер глаза,

стер кровь со щеки, огляделся. Увидел Владимира – тот шел с мечом в одной руке и черной палкой в другой.

– Ловко ты его! Смотри! – конец посоха был расщеплен. От него по закопченному дереву вилась тонкая резьба. Где-то он недавно такое уже видел. Вспомнил – голубой узор... а где золотая искра? – Это вот их кто-то из наших, из Древнего Народа делал. Такому не обучишь. Но ты, главное, сюда посмотри!

На уцелевшем верхнем конце продолжением резьбы переплетались две изящные змейки – золотая и серебряная. Их пасти сходились на небольшом полупрозрачном камешке. Чем-то похоже на кадуцей – жезл Меркурия. Он же Гермес. Постой-постой – Гермес? Гермес Трисмегист, «Трижды величайший», основатель современных школ магии, алхимии и прочего! Но ведь считается, что герметические учения и магия Древних не совместимы!

Александр попытался рассмотреть посох поближе, взял в руки... Острая боль ударила в ладонь, скользнула выше, и беспокойная льдинка в груди все-таки впилась в сердце. А потом все снова исчезло. Только вспышка была черной. Донеслось еще издали: «Сашка, ты что?!» – и больше ничего не было слышно и видно. Потом и мысли исчезли.

– Мужики, сюда! Сашке плохо! – Владимир подхватил падающее тело. Подбежали, перехватили, отнесли от поляны, уложили поудобнее на землю. Нашупали пульс на шее – живой!

Похлопали по щекам, потрясли за плечи – нет, в себя не приходит.

Пока доставали аптечку и искали нашатырь, Владимир нагнулся к выпавшему из рук обломку посоха. На резьбе и змейках медленно исчезали красно-бурые полосы – не высыхали, а словно впитывались в дерево и металл. Взглянул на раскинувшиеся в обожженной траве руки – на ладони блесла кровь. Вспомнилось – держится за дерево, протирает лицо...

– Вот это тебя, браток, угораздило... – шепотом, словно боясь разбудить. И громче, командным голосом: – Ампулу не ломайте, все равно не поможет! Быстро, делаем носилки – и в город! Рюкзаки бросаем здесь, Ваня – караулишь! Говорил Олегу, надо было рацию взять... А, теперь один черт! Спальники доставайте. Ему сейчас тепло нужно.

ГЛАВА 3

Александр барахтался в фиолетовом тумане, плотном, как кисель. Временами туман чуть светлел, и тогда рядом звучали какие-то голоса. Говорили вроде бы о нем, но кто и что – не понять. Вообще хоть чтонибудь понять или осознать не удавалось – туман проникал в голову и не давал пошевелиться мыслям. Больше всего злило чувство полной беспомощности. Вот странно – думать не получается, а злость и бессилие остались.

Слишком сильно злиться было опасно – если раздражение нарастало, из мглы выскакивали блестящие змеи и больно жалили в голову, сердце, руку... А кто-то мрачный и холодный смотрел на это сквозь туман, и это было куда больнее и страшнее змей. Под леденящим взглядом Александр пытался свернуться калачиком, стать крохотным и незаметным, спрятаться куда-нибудь – но кругом был только туман. Взгляд догонял, хватал, разворачивал и выворачивал наизнанку, и оставалось только корчиться в фиолетовых клубках, пытаясь закричать и понимая, что кричать уже нечем...

* * *

– Что дальше с ним будет?

– Не знаю. В себя придет дня через два, не больше. Парень крепкий, но... Тело мы в таких случаях научились лечить, а вот зарубка на душе останется. Ты говорил, его вроде бы к этому месту тянуло еще тогда, когда заклятья творились?

– В общем-то, да. Рядом он не был, но стал свидетелем, и его самого заметили. Ты считаешь, могли именно для него ловушку поставить?

– Могли, конечно, но вряд ли сделали. Скорее всего, это даже не ловушка, а последствия самого обряда. Жаль, я не был на том месте, поторопились они с этим кругом. Наверняка еще день-два мог бы посох простоять, ничего особого не случилось бы. Эх, вояки! Не хмурься, не хуже тебя знаю, Братство – наша единственная защита и все такое, только не первый раз они сначала стреляют, потом думают. Особенно этот твой Владимир. Ты не мог туда кого другого послать? Юре на катере полчаса ходу до того места.

– Он проверял другую точку. Кроме того, один бы он мог и не найти. Этот парень нужен был, как... ну, не знаю, как ищейка. Или как сапер, если тебя сравнение не устраивает.

– Ну да, который ошибается дважды. Ты что, приказал им уничтожить это место?!

– Да не приказывал я! Я им обоим сказал – дойти, узнать и вернуться, только узнать! Что ж я, дурак?

– Выходит, что так, если дураков на такое дело послал. Ладно, я там не был и сам не видел, может, у них выбора не было. Но вот дров они наломали, это точно. Одно хорошо –

теперь будем знать, с кем дело имеем. Ты выяснил, кто это сделал? Кто-нибудь из круга Пермяка или изгой?

– Пермяк клянется, что он и его кланы не имеют к этому ни малейшего отношения. Не качай головой, я помню его идеи, но он бы вряд ли пошел на союз с людьми. И у него всегда хватало ума не связываться с такими силами на нашей земле. Может, ты и прав, но до сих пор мы воевали по закону и обычаю.

– До сих пор и войны между кланами велись по мелочам, а Пермяк хочет изменить все. И не только в нашем народе. Да что я тебе рассказываю, ты же нам первый сказал, что на этот раз надо быть готовым к войне без правил. Ну хорошо, Пермяк поклялся за себя и свои кланы, а другие? Он же вполне мог кого-то подговорить, мог просто намекнуть, а сделали другие. Ты уверен, что он не руководит тайно теми же изгоями? То, что на тех холмах было сделано, не под силу им самим. Все, кто может достичь такой силы, наперечет, все в кланах, таких не изгоняют. Незаметно от всех до такой мощи не поднимаются, сам знаешь – хоть где-нибудь, а проявились бы.

– Ну, там был не один человек, так что силы объединились. Могли быть пятеро или семеро слабых, научившихся объединяться. Дело в другом: для чего это им понадобилось? И кто им, в конце концов, посох сделал?!

– С этим мы потом постараемся разобраться. Что с твоим разведчиком делать будем? По-хорошему его бы на две

недельки, если не на месяц, вывезти из города, чтобы в себя приходил. Ты видел, как его что-то достает? Скорее всего, он теперь как-то связан с этим посохом или его хозяевами. Или его будут искать, или он сам их найдет. В любом случае чем дальше он окажется, тем лучше. И хорошо бы в спокойной обстановке, под надежной защитой.

– В деревню послать, что ли? Как раз в Рябиновке сейчас и спокойно, и знахари хорошие, присмотрят. Только его же не привяжешь, сам сунется – если не приедет, так попробует через верх дотянуться.

– А вот этого чтобы ни в коем случае! Хоть раз вылезет – и все. Поймают. Откуда мы знаем, что с ним сделал посох? То, что я нашел и постарался вылечить – это только поверхность, болезни тела и самую малость – души. Кем он может стать или кому может подчиняться после того, как очнется... в лучшем случае скоро выяснится. В лучшем – потому что заметим сразу, а если пропустим – даже как человека вряд ли спасем.

– Ты хочешь сказать, что теперь он может быть опасен?

– Прежде всего для самого себя. Что бы с ним ни случилось, большего, чем он умел до этого, ему никто не даст. Но и воина ты, считай, потерял. По крайней мере никто тебе не даст гарантии, что однажды он не ринется выполнять чужой приказ или просто не опустит руки во время боя. Ты видел, как его крутит? А ведь здесь место защищенное, да и мы с тобой старались как могли. Это что-то изнутри его самого.

Или нечто такое, с чем мы не можем справиться и даже не способны пока распознать. Так что отправь его подальше и не спускай глаз. Может быть, он нас приведет к хозяину посоха.

– Знаешь, не люблю ловлю на живца. Что бы с ним ни сделали, он все равно наш, и подставлять я его не буду.

– А я и не прошу. Просто не оставляй без внимания и не подпускай к важным делам. Поверь, и ему самому будет лучше. Ты уже однажды был слишком мягким. Когда он отказался пройти Посвящение, надо было не допускать его до таких вот дел. Был бы он настоящим Воином, мне бы не пришлось столько возиться. Олег, ты слишком склонен к размышлениям, слишком доверяешь молодежи. Нашей опорой никогда не были такие, как этот парень или твой любимчик Володя. Я знаю, что сейчас новая война, особые обстоятельства, но иногда надо просто соблюдать традиции. Они созданы хоть и века назад, но не на пустом месте.

– Ты предлагаешь сказать молодым: «Не торопитесь»?

А может быть, каждому входящему говорить: «Извини, у нас строгий устав, поэтому или давай клятву воевать непонятно за что, или иди куда хочешь?» Уже уходят, Илья, уже, даже раньше, чем мы это успеваем заметить. Мы это просмотрели в Европе – тебе напомнить, сколько сейчас скрытых Древних пляшет на шабашах?! Молодежь... Мы привыкли, что пять лет для нас не срок, что все повторяется из века в век. Это не просто другая война, поверь. Это начало

другого времени. Не смотри на меня так, я еще не свихнулся и не начал проповедовать «наступление эры Водолея». Подумай на досуге сам, что было бы с Пермьяком двести лет назад? Заодно вспомни, как кое-кто радовался, когда в Германии заговорили о древних расах и мистических силах... Все, хватит трепать.

Что сделаем, когда он очнется?

– Он живет один? И где работает?

– Работает в научном институте, и как раз сейчас у них полевой сезон. Начальство уже выясняет, где их сотрудник пропал. Хорошо хоть родители у него в другом городе и без телефона. А живет он на квартире, хозяйку перед уходом предупредил, что по делам едет. Саша вечно мотается по экспедициям и командировкам, так что дело привычное. Но больше чем на пару недель он исчезнуть все равно не может. Кроме того, у него есть какая-то девушка. Перед этим они вроде бы поссорились, но все-таки...

Илья присвистнул и покачал головой:

– Это уже серьезнее. Во-первых, многое и объясняет, и меняет, особенно его состояние при контакте с посохом. Да и последствия... Она еще решит, что утопился милый из-за несчастной любви, начнет звонить на работу, напишет родителям... Я хотел его отправить в деревню сразу же, потом бы сделали справку из больницы, но теперь вариант отпадает. Ладно, пока очнется, что-нибудь придумаем. Ты позаботься, чтобы он сразу же не полез куда не надо.

– Может, вообще вколоть ему что-нибудь, чтобы верхнюю чувствительность на время блокировать?

– Лучше зелье, не шути с химией. Потом может контроль не восстановиться, получишь шизофреника. Тут одни деятели попробовали такое с пленным проделать недавно...

– Кто?! Почему мне ни одна тварь не доложила?! Что за!..

– Успокойся, это не у нас. Ильменцы перестарались.

– А ты-то откуда знаешь? Они же Пермьяка поддерживают!

– Их же ведуны и сообщили. Завоевался ты, я смотрю, забыл обычаи. Лекари, учителя и ведуны должны сотрудничать в любом случае. Это только люди могут себе позволить войну всех против всех. Гляди, Олег, скоро совсем человеком станешь.

– Я и так человек.

– Ну да, все мы люди. Только все разные. Некоторые, например, две войны воевали и одну партизанили, а все никак не повзрослеют. Знаешь, комиссар, о ком это я?

– Так точно, товарищ военврач третьего ранга!

* * *

Лес шелестел по-дружески, успокаивающе. Спокойный лес, которому не мешают расти так, как это нужно ему, а не отдыхающим или торговцам древесиной. Даже охотники здесь бывали редко, а кто ходил, знали меру и порядок. Охотиться с машиной и фарами, впрочем, здесь однажды тоже

попробовали – с того дня и лежало огромное старое дерево поперек одной из просек. Убрать из-под него останки «УА-Зика» никто так и не смог, но изуродованные тела браконьеров вытащили. И вообще место было странное.

Ходили слухи, что живет там самый настоящий леший, а по ночам иногда на полянах горят огни и слышна странная музыка. Кто-то даже вроде бы видел летающую тарелку, и из города приехали самодеятельные «контактеры», искать братьев по разуму. Вместо этого их самих нашел огромный кабан, и пришлось горожанам наблюдать с веток липы попытки контакта представителя местной фауны с содержимым рюкзаков. В результате видеокамера и какие-то хитрые аппараты были подробно исследованы, но ремонту уже не подлежали, а образцы сухого пайка получили высокую оценку. Довольный и сытый секач улегся в соседних кустах и с интересом слушал доносившиеся с дерева выражения, понятные только русскому человеку.

На вопли пришел некто в фуражке лесника, прикладом старенького ружья пошлепал зверя по задку, и тот спокойно удалился. Когда возмущенные ловцы «тарелок» потребовали компенсацию за погибшее оборудование, издали донеслось уже знакомое хрюканье, а лесник посоветовал не шуметь и не раздражать животное. До опушки он, лесник Филиппов, так и быть, проводит, но если попробуют вернуться – следующий раз может поблизости и не оказаться.

Самое интересное выяснилось в областном лесхозе. Ва-

кансия лесника в этих местах была свободна с тысяча девятьсот сорок забытого года, а единственный Филиппов в тех местах работал еще раньше – до войны, но потом ушел на фронт и под Харьковом пропал без вести. На архивной фотографии «контактеры» узнали своего знакомого лесника – точь-в-точь такого же, разве что лет на пять помоложе.

В ближайшей к лесу деревеньке слыхом не слыхивали ни про лесника, ни про ручного кабана, и никакого Филиппова не знали. Жители Рябиновки вообще считали свой лес самым обычным местом, никто из них никогда не плутал, даже ребятишки. И вообще, граждане, вы уж извините, наука наукой, а у нас дела.

Дел у рябиновцев действительно было много. В этом Александр убедился в первый же день. Как и в том, что в этой деревне не было ни телефона, ни телевизора, ни водки в единственном магазинчике. Впрочем, последний факт объяснялся не поголовной трезвостью, а высоким качеством местных настоек; самым же странным было то, что настойки эти употреблялись строго в меру...

А самому ему очень хотелось напиться вдрызг. До полного беспамятства. Очнувшись от своего жуткого фиолетового забытья, он вдруг обнаружил, что полностью потерял свои способности, и новые, и приобретенные на Юге. То есть свое, человеческое, осталось при нем, и ребром ладони он по-прежнему мог перебить жердь... но вот почувствовать, как давно ее срубили, не мог. Ни внутреннего зрения, ни

верхнего – только обычное. Ну, может быть, чуть лучше, чем у многих, особенно ночью – оно с детства такое было.

Ну и хрен бы с ними, со способностями. Другое было гораздо хуже. Вообще жизнь как-то сразу покатила по черной полосе, причем явно вдоль. Светлых просветов не было видно ни впереди, ни с любой другой стороны.

Что с ним произошло там, на пожарище – никто так толком и не рассказал. Последнее, что он помнил сам – перебитый посох в руках Владимира. Вроде бы им все удалось, но почему он сам несколько дней лежал без сознания? Почему Олег уходил от разговора, смотрел так, словно на той поляне они все сделали какую-то огромную глупость? Владимира вместе с ребятами тоже куда-то отправили, и спросить-то некого... «Езжай, отдохни, полечись...» Чем лечиться? Трудом и свежим воздухом? Это можно было и в экспедиции сделать. В институте как с дезертиром разговаривали, когда попросил отпуск. Или дома мог посидеть – старики столько этого отпуска ждали... Что им теперь объяснять? Остается только соврать, что в командировке. В этой самой Рябиновке, куда почта приходит раз в неделю.

Оставалась и еще одна заноза. Алена, Алена... Где тот ангел с детскими глазами и испуганной улыбкой? Что вы с ней сделали, сволочи?! Свое подобие, маленькую хищницу, выбирающую кусочек получше?! Когда думал об этом, в глазах снова собирался фиолетовый туман. Лучше бы в нем и остаться. Лучше любой кошмар, чем эти мысли. Учись забы-

вать, учись... А что потом, когда забудешь? Всю жизнь одному? Не выдержишь, не та натура. Повторять свои ошибки? Да хотя бы понять, где, когда, что сделал не так! «Все было хорошо, это моя ошибка. Извини, мне некогда!» Так и останешься для нее ошибкой молодости... Говорил Олег: «Не ходи!», надо было слушать. И потом всю жизнь казнить себя за потерянную возможность? Хватит, хватит об этом! Утешайся тем, что ты сделал все правильно, просто эта жизнь не для тебя. Волк не может вилять хвостом, тянуться за кусочком сахара и прыгать через обруч, когда говорят «ап!», так что бегай по лесу. Бего-ом, марш!

Он мчался по тропе так, словно хотел от кого-то убежать. От всех. От Древних, от людей, от этого мира, который сначала посылает тебя воевать и называет героем, а потом отворачивается от убийцы. От страны, которая учит тебя честности, а потом презирает за то, что не хочешь обманывать и воровать. От себя, дурака. Беги, беги, все равно никуда не денешься.

Сапоги грохотали по земле, сковывали ноги. Отвык от кирзачей. Когда он в них последний раз бегал, в карантине? Нет, позже, уже на Юге. Сейчас курорт по сравнению с тем, как их, молодых, гоняли по части. Длинный был городок, полкилометра в длину. Пол-кэмэ туда, столько же – обратно. По три раза, самое меньшее. Кирзачи, форма, бронежилет, каска, автомат, боекомплект. Когда стали бегать, не падая на финише, надели противогазы... Ну, тут уже выручала сол-

датская смекалка. Но все равно ругали извергов-командиров нещадно – и молча, чтобы дыхание не сбить. Потом так же молча благодарили за науку – после первых же «боевых», когда пришлось бегать по горам. Позже выдали ботинки – тоже не «Адидас» и не «Рибок», но любые «гады» после сапог казались верхом совершенства.

А по этой деревеньке в кроссовках не прогуляешься, любое дорожное покрытие воспринимается как оскорбление. Малейший дождик – и утонешь, не с головой, но по самые... колени, в лучшем случае. Народная обувь здесь – все те же сапоги. Хорошо, что нашлась пара разношенных и его размера, а великого умения наматывать портянки Александр еще не забыл.

Спина взмокла, ноги все чаще задевали за корни. Сколько он уже пробежал? Неважно. Ветки летели мимо лица, изредка поглаживая листьями. Через полувysохшую лужу перепрыгнул с разбега, чуть не поскользнулся, сбился с бешеного ритма, побежал дальше. Сворачивал на соседние просеки и тропинки, кружил и петлял по лесу. Все равно, куда бежать, если не убежишь.

Наконец выдохся, пошел быстрым шагом. Свернул с тропы, начал скользить между деревьями и кустами. Неплохо, не все забыл, чему учили, но... Без чутья Древнего Народа все-таки получалось хуже: не ощущал себя частью леса, и лес не подсказывал чужаку, как двигаться. Впрочем, и недовольства особого не проявлял. Просто шумел над головой,

поскрипывал, свистел птичьими голосами.

Открылась небольшая полянка. Странная какая-то: кругом зеленая стена, сверху ветви словно друг друга испугались – ни одна над серединой не хочет расти, повернули в стороны. Колодец. И серые облака над ним.

Приглядевшись, Александр заметил и другие странности. Во-первых, трава. Росла она здесь не равномерно высокой или отдельными куртинками, как это бывает в лесах, и даже не поднималась пышно на солнечной середине. Больше всего эта поляна напоминала мишень в тире: ближе к краю кольцо низкой и жесткой зелени, потом круг нежных стебельков и листиков чего-то лугового – не понятно, чего именно. И в центре – довольно большая плешь с жестким подсохшим дерном. Вспомнилось – подобные круги видели на полях в Англии и еще где-то, считали следами летающих тарелок. Только на полях пшеница лежала спиралью, а здесь просто трава где растет, а где и не хочет.

Ну-ка, выясним, и почему это она не растет? Дерн в центре явно был положен не так давно, еще были видны оплывшие разрезы. Знакомо, сам такое на учениях проделывал, когда парашют или кострище маскировал. А здесь что? Сейчас посмотрим. Нож из голенища не выпал? Нет, конечно, куда ж он из охотничьих ножен денется. Теперь подденем дерн...

Пот на спине словно заledenел. Вспомнилось: яма с парашютами и черный мячик учебной гранаты – «подарок» возможным преследователям... А если здесь что-нибудь похо-

жее? Осторожно провел лезвием, просунул руку, обдираясь о камешки и какие-то сучки – чисто. Следующая пластина с осыпающейся землей – тоже чисто. В смысле, без «сюрпризов» – рука черная от сажи. Просто убрали кострище, чего испугался-то?

А вот костерок действительно не помешал бы. Согреться – не жарко сегодня, вспотевшему и остановившемуся тем более. Просто посидеть у огня, посмотреть на желтоватые язычки над сухими ветками и тусклые огоньки углей, прокоптиться немного... Пойдем искать сушняк.

Как и следовало ожидать, рядом с недавним костром весь хворост был подобран до последнего сучка. Отошел подальше – тоже ничего. Кто-то терем прибирал... Наконец отыскал пару веток покрупнее, поволок через кусты, то и дело застревая. Еле нашел поляну со снятым дерном – почему она оказалась не там, где он ожидал? Не хватало только заблудиться в трех деревьях – вот смеху-то будет: разведчик! Древний!

Или сама полянка со странностями? Вот же черт, и не определишь теперь! Впрочем, деревенские за лесом присматривают едва ли не больше, чем за своими горницами, так что опасное что-нибудь здесь вряд ли есть. Да и костер кто-то уже жег. Возможно, что и не один – золы осталось изрядное количество.

Мелкие веточки с хрустом ломались в руках. Потом пришлось надсекать ножом, и наконец остались две коряги паль-

ца в два-три толщиной. Топорик бы... Ладно, обойдемся. Вспомнился анекдот про спецназовца: «А может, ногой?!» Можно и ногой.

Х-х-ха! Короткий удар, треск, отлетевшая деревяшка кувырнулась в воздухе, чуть не попала в лоб, отбил ударом руки.

– Ну, можешь, парень!

Александр обернулся уже в прыжке. Как подошел?!? На полянке за спиной откуда-то появился пожилой мужичок в странной синеватой форме с потертой фуражкой. Двустволка-"тулка" висела на левом плече, стволами вниз и назад. Ого!

Интересно, где он такому научился? Наверняка может не только подкрасться без шелеста, но и навскидку с одной руки стрелять.

– Да ты не бойсь, ишь, пугливый какой!

– А я и не боюсь.

– Правильно, – мужичок хитро подмигнул. – Не боишься, но опасаяешься. Ну и молодец. Костерок решил развести? Так разводи, чего ж трудам пропадать. Присядем у огонька, поговорим – если есть, конечно, такое намерение. А не хошь – как хошь, я никого не заставляю.

За тем, как раскладывался и разжигался костер, странный гость смотрел внимательно. Потом одобрил кивком – дымок поднялся после первой же спички. Точнее, спичек было три, сложенных вместе, но все равно огонь получилось разжечь

без ненужной суеты.

– Ну, рассказывай, кто такой, что у меня в лесу делаешь?

– У вас?

– У меня, у меня. Лесник я здешний, Филиппов, слышал?

– Нет, не слышал. Я тут вообще недавно, из другой области приехал.

– К родственникам или так, погулять? – прищур лесника стал жестким. Почему-то этот вопрос был для него очень важен.

– К родственникам, только дальним, – Александру не хотелось рассказывать обо всем неизвестно кому. Хотя и лесником в этих местах обычный человек не стал бы. – В Рябиновку.

– А-а, понятно, – Филиппов вздохнул. – Так это тебя сюда Олег прислал? На отдых? Я-то никак понять не могу, что за человек: вроде и наш, а про поляну не знает, ничего не чувствует... – лесник посмотрел на изменившееся лицо Александра и осекся. Продолжил чуть тише и мягче: – Ты уж извини, парень. Чем это тебя так?

– Сам не знаю. Не помню даже, как шарахнуло. Очнулся через несколько дней, и вот, привет всему. Потом послали сюда, сказали, что может все со временем восстановиться, а пока подальше от города держаться надо.

– Подальше от города – это хорошо. Я вот тоже подальше от него забрался, да и все наши, которые здесь. Не выдерживаем мы, когда земля стонет. Ты еще молодой, потом пой-

мешь. Некоторые привыкают, внимания не обращают, так это им себя ломать каждый день надо. Я вон как-то недавно решил на электричке проехать, надо было документы кое-какие в райцентре подновить, так не поверишь – не смог к ней, проклятой, подойти! Вот не могу, и все тут! Не то чтобы боюсь, а просто нутро как выворачивает, глаза слепит, только что волосы дыбом не стоят. Мертвечиной от нее прет, и не то чтобы кладбищем, а прямо нежитью, да такой силы, что чуть не сдувает. А мне этого никак нельзя, – лесник нахмурился. – Мне вообще сейчас без леса уже и не жизнь. Даже в деревне скоро появляться перестану, если так пойдет. Веришь, нет – сижу в доме, а словно без головы. Сросся с этим лесом.

– И как же вы?...

– Да вот так. Землянку себе вырыл, живу тут в берлоге вместо медведя. Зато чуть что где – сразу знаю. И не одно то, что глазами или ушами можно, а и больше, на полную свою силу. Вот ты когда бежал – ты ж из себя дурь выгнать пытался, скажешь, нет? Ты сейчас как молодой лось на первом гону, с ветками бодаться готов – силы много, а как правильно выпустить, не знаешь. Думаешь, что вот все потерял, конец, пропал, быть тебе до конца дней обрубком себя бывшего. Так ведь? Только не ври, я-то вижу!

– Так. А как еще? Если б дело только в этих силах... Хотя, если честно, без них хреново. Как оглох. Я понимаю, люди без этого живут, вообще слепнут, глохнут и дальше живут,

да только... Не попробовал бы всего, не знал бы – не жалко.

– Э-э, парень, чего у тебя нет и не было, того, конечно, и потерять не жалко, жалеют-то всегда свое. Ну, может, и не только свое, но это уж как кто понимает. Да только это полбеды, а ты еще от чего бегал. Выкладывай, я тебе тут вместо попа на исповеди. Считай, что просто в лесу свое горе выкричишь, полегчает. Давай, не жмись, все свои – ты, да я, да поляна эта, больше никто и не узнает. Небось, на людей смотреть не можешь?

– Не могу. Осталось бы чутье – хоть различить бы смог, чему и кому верить, а так мне все время кажется, что вот-вот обманут, что говорят одно... И вроде бы честный человек, и доверять ему можно, и не подводил ни разу – а вот не верю, а проверить теперь нечем. Все время обмана жду. Все-таки у нас все честнее, по-моему. Маску не наденешь, сразу все видно.

Лесник расхохотался. Смеялся он довольно долго, но почему-то обижаться не хотелось. Наверное, потому, что очень уж заразительным получился смех – с уханием, мотанием головой и утиранием слез. Понемногу Филиппов начал успокаиваться.

– О-ох... ну ты выдал, паря!.. Это ж надо: «Сразу все видно!» У-ух-хо-хо! Ангелов небесных нашел! Да ты хоть подумай головой своей бедовой, если б мы друг от друга мыслей не прятали, с чего бы у нас война была? И откуда изгои взялись бы? А?

– Н-ну... Мало кто с кем несогласен бывает. В конце концов, на войне даже честнее получается. Я сперва тоже привыкнуть не мог. Вроде все свои, а... Потому теперь еще больше. Кто мне свои? Как Древний я теперь калека, приятного мало. А вернуться к людям и знать, что ты не такой как все... Как фильм один назывался: «Свой среди чужих, чужой среди своих».

– По-моему, название ты спутал. А может, и нет, не помню уже. Смотрел я как-то его, смотрел... Да ладно, я тебе лучше другое сейчас расскажу. Вот в сорок втором шли мы из окружения, вел нас один капитан. А я тогда уже чувал немало, и вижу: он же, сволочь, не к своим ведет, а думает, как нас немцам сдать половчее и пулю в затылок не поймать! И что мне прикажешь делать? Стрелять? Тут же меня и самого шлепнут как предателя – командира убил. И поди докажи, что он хотел. Самому спастись – и перед ребятами нашими совестно, и в спину выстрелят, правы будут – дезертир! А в плен ох как не хотелось, знали уже, что там с людьми бывает. Ну, что бы ты сделал?

– Не знаю. Сказал бы остальным, что не туда ведет или что заметил впереди что-то неладное.

– Вот-вот, сказал бы. А кто-то из них сказал бы капитану, и меня за паникерство и подрыв авторитета – в лоб. Даже укажи впереди засаду – капитан вывернулся бы, эту обошел, на другой «Нихт шиссен!» заорал бы. Эх, сразу видно, время теперь другое. Может, оно и к лучшему, конечно.

– Ну так что вы сделали? Как вышли?

– А я к самому капитану подошел, при всех, чтобы видели и слышали. Так, мол, и так, товарищ командир, я вот бывший лесник, и в этих местах бывать приходилось, давайте-ка меня в проводники. И что ему дальше? Отказаться – помощь в таком деле любая нужна, его бы заподозрили. Принять – может, я и выведу, опять-таки под его командованием, ему же медаль на грудь. А подловить меня на чем-то он всегда успеет, да и пристрелить по подозрению, если надо.

– И что же?

– Как видишь, живой. Чутье понадобилось, это верно, только мне оно помогло, а всем нам – нет. Соединились с другой такой же командой, повел нас другой командир и сдурю завел под пулеметы и сам погиб. Тот мой капитан руки поднял-таки, тут уж я его на законном основании... А самого ранили, еле уполз... – лесник замолчал. Александр только сейчас обратил внимание, что на ветерана той войны его собеседник никак не похож. На вид лет сорок, не больше. О долгожительстве Древних он слышал, но убедиться довелось впервые. Интересно, сколько же лет Олегу? – Да, так вот к чему я тебе это все. Я-то тогда врал или нет?

– Получается, что да, только этого же никто заметить не мог. А как такое проделать, если сразу видно, кто правду говорит, а кто мысли спрятать пытается.

– А я свои мысли и тогда не прятал. Лесник? Лесник. Места знал? Знал, это тоже честно. И к своим выйти хотел. Я

просто всей правды не сказал. Ты молодой еще и у нас недавно, поэтому не научился различать, когда тебе говорят полправды, чтобы себя не выдать. А еще многие от такого чутья прятаться научились – не щит ставить, тогда сразу заметно, а что-то вроде. Переключаться, пока говорят, на мысли о другом. Присмотришься еще. Да и сам научишься – знаешь, многие у нас просто по привычке даже правду говорят так, что по-разному понять можно. Это у нас, можно сказать, народное умение. Да не горюй ты так, я ж сказал – научишься еще! Не ты первый. Совет дать?

– Еще бы! Только так, чтобы растолковать можно было сразу и правильно.

– Ишь ты, шустрый! – лесник опять рассмеялся. – Нет уж. Урок сразу начну, второй вряд ли будет. Слушай: для начала все мы стали людьми, а потом уж Древние отделились. А ты сам вспомни, как и с чего тебя учили Древним быть. Только не премудрости, не чему тебя Иваныч научил, а как. Вот и учись. Наших предков никто не наставлял, сами дошли, а ты хоть знаешь, где и что искать. Новое найдешь – не пугайся, бери, только посмотри, не гнилое ли. И еще тебе скажу – не все то, чему люди верят – сказки, да и в сказках много правды, не забудь. Ладно, пойду я, лес меня заждался, дел много. Будешь уходить – кострище дерном заложи, и на поляну эту больше не ходи. Не надо. А будет надо, тебя приведут. Да, и напоследок – по девке своей не убивайся. Не получилось – значит, не твоя. Нужна она тебе – борись, не хочешь – от-

ступись, найди другую. Не мужик, что ли?! Э, э, уголек подправь, сейчас дернину подожжет!

Александр нагнулся, ножом закатил в огонь головешку, притоптал тлеющие травинки. Поднял голову, хотел спросить, откуда знает... Лесника на поляне уже не было. Ни шороха шагов по опавшей листве, ни колыхания веток на кустах. Даже следов на траве не осталось.

ГЛАВА 4

Непосредственное начальство было на удивление улыбочиво и вежливо. Конечно, замдиректора по науке всегда была интеллигентной женщиной, но сегодня она выглядела не подтянутой и суровой, а милой, какой-то домашней даже. Тетушка, обрадовавшаяся племяннику. Давно не виделись.

– Хорошо отдохнули, Саша? Как здоровье?

– Спасибо, Алевтина Алексеевна, подлечился, все нормально.

– Да, я вижу, и подзагорели, и окрепли. Дома на участке работали?

– Нет, у знакомых был, в соседней области. Места там – просто чудо! Лес, рыбалка...

– Ну вот и прекрасно! А у нас тут кое-какие изменения произошли. Сами знаете, на науку денег сейчас не дают...

Вот, ознакомьтесь. Да не пугайтесь, это у нас все получили, кроме директора и уборщицы, – улыбка стала совсем приятной и дружеской.

Половинка стандартного листка с машинописным текстом. Только фамилия – шариковой ручкой.

«Уважаемый г-н А.Шатунов! Администрация НИИ доводит до Вашего сведения, что в связи с недостаточным финансированием научных программ и отсутствием заказов на НИР Ваша должность может быть сокращена в двухмесяч-

ный срок. Директор института... Зам. директора...» Дата. Чуть ниже: «Ознакомлен:...»

– Вот здесь распишитесь... И вот здесь, в журнале. Вы не волнуйтесь, мы все с такими же бумажками – видите, здесь и моя подпись есть. А вы у нас молодой, перспективный, так что вы, скорее всего, останетесь... Если, конечно, есть такое желание.

Мило улыбнемся, аккуратно закроем за собой дверь, пройдем на рабочее место. Никого нет, народ в поле. Вот тебе, Саша, первый звонок. «Если есть желание...» Все-таки ему этот отпуск не простят. Или припомнят через два месяца, или приберегут. Уже не раз звучало в этих стенах: «Мы вам тогда... а вы в ответ... как вы могли!» Любит наше начальство воззвать к нашей интеллигентности и порядочности. Правда, обратный процесс всегда идет болезненно для воззвавшего. Пинком. Одна бывшая сотрудница уже книгами на проспекте торгует – двадцать лет в институте, пять лет до пенсии... но слишком независимой оказалась. И, как намекнули старожилы института, отказалась «стучать», кто и что на рабочих местах делает да как отзывался о начальстве.

Так что желание желанием, а на всякий случай работу подыскивать надо. Тем более что приключения, похоже, закончились. Осталась человеческая жизнь, постепенно приспособливаться надо. Благо никто ничего не знает, не заметили – вот и хорошо. Будем работать, в поте лица добывать хлеб свой, так сказать. Пойти, что ли, в охрану? На хлебе,

конечно, появится кусок масла, но служить собачкой при каком-нибудь «толстолобике» и заодно таскать сумки за его сумрой... Или подпирать стену в магазине какой-нибудь Авроры Борисовны... от воспоминания все внутри передернуло, как от смеси лимона с полынью. Прав был лесовик – не для него была Аленка. «Если возьмешь ты себе жену, возьмешь с женой и тещу...» Ну и кем бы он был в семье завмагши? Торгаш из него... как из волка пастух. И даже еще интереснее. Проехали, помашем ручкой. Встретим кого-нибудь еще. Вот только забыть все равно не получится. Противоположность любви все-таки не ненависть, а равнодушие. Ну вот не получается быть равнодушным, беда какая. Такой уж он несовременный. Древний. Хоть уже и человек.

* * *

– Олег, что со мной тогда произошло?

– Я же говорил – не знаю. Мы до сих пор не разобрались с этим посохом. Ты молодец, все сделал правильно, если бы не ты, мы бы все сейчас сидели в такой гадости, что и дерьмо сахаром покажется. Но ты же сам прекрасно знаешь – не бывает войны без потерь. Честное слово, тебе еще повезло, все могло быть намного хуже, тяжелее – да ты и сам видел.

– Значит, меня уже списали? Безвозвратные, так сказать, потери, упаковать и забыть?

– Не кипятись, сам же понимаешь, что это не так. Считай

себя тяжелораненым на излечении. Ты бы сразу из госпиталя в рейд не попросился бы, правда? Почему? Своих бы подвел, тебя бы тащить пришлось. Так что потом видно будет, а пока к боевым делам мы тебя допустить не можем. Хочешь, найдем что-нибудь еще, работы у нас всем хватает.

– А какой с меня толк сейчас?! Ты же знаешь, я сейчас ничего не чувствую!

– И не слышишь, и не видишь? Так, что ли?

– Я не об этом, не притворяйся. Я не вижу ничего как Древний! А зачем вам воин, который может только на спуск давить?! Я же с самого начала вам нужен был как боец, вы и внимание обратили только потому, что война идет!

Олег молчал, тяжело глядя из-под седеющих бровей. На скулах перекатывались желваки. Потом выдавил сквозь зубы:

– Н-ну, хорошо... Если ты все еще ничего не понял, то я тебе это в башку вбивать не намерен. Найдутся дела и поважнее. Ты, кажется, сам дал согласие, никто не заставлял? Так или нет?

– Ну, допустим, так.

– Не «допустим». Если бы ты отказался – шел бы на все четыре стороны. Помнится, кто-то говорил, что навоевался и отвоевался? Было такое?

– Было, не спору.

– Вот и хорошо, что не споришь. Я с тобой тогда тоже не спорил. Не хочешь воевать – пожалуйста. Хочешь остаться

просто человеком – оставайся. Клятв не даешь – твое дело, хотя и дурак ты со своей свободой, сам теперь и страдаешь. У нас тут не масонская ложа, никого с завязанными глазами не тянем и зарезать не грозимся. Когда в Братство вступать отказался, ты мне как это объяснил, напомнить?

– Не надо, склерозом не страдаю. Я и сейчас то же самое сказал бы.

– Да, ты не склерозом... Тебя предупреждали, что Братство не только забирает часть тебя, но и готово отдать эту часть, и поделиться своим, если потребуется? Ну и кто тебе теперь виноват? Я и так нарушил все правила, когда разрешил тебе работать самостоятельно. Думал, согласишься, поймешь, что к чему, сам подойдешь... Да, не успел. Ну и что? Ты все равно остался Древним по крови, понимаешь ты это, дурак?! Если уж ты пришел ко мне сюда во второй раз, если ты и сейчас нашел этот дом – значит, ты наш. Да, пострадал. Да, сейчас ты ранен. А ты что, в своих горах раненых бросал – потому что они не просто воевать не могут, а еще и другим мешают?! Бросал своих?! Или добивал?!

Александр попытался сглотнуть перегородивший горло комок. Точно, дурак. Салага. Пуп всея земли, весь такой гордый и самостоятельный. Олег прав. А тот продолжал уже спокойнее:

– Николай Иваныч говорил, из тебя можно было бы не только воина вырастить. Задатки были, только время им не пришло вызреть. Еще и поэтому возле себя и оставил, по-

смотреть хотел. С твоей головой, да с тем, что в тебя разведка вложила... Поднабрался бы опыта, мог бы потом ве-
дуном стать. Вот только одной учебы и даже хорошего чутья
тут мало, сердце нужно миру открыть, почувствовать себя
частью всего... Я когда-то попробовал, не получилось. А у
тебя могло бы, да только ты всегда хотел отдельно от всех
быть. Просто человеком быть неумогу, а Древним стано-
виться не хочется. Когда у тебя все чувства и способности в
порядке были, ты ими только пользовался. Как оружием, как
защитой, как инструментом... а просто жить с ними? Мало
тебе этого – жить, как многие, как целый народ, стать одним
из простых Древних. Даже одним из Воинов Древних. Не хо-
чешь ты быть «одним из». Ну что ж... Свободная душа – это
святое. Но тогда сам и решай, как дальше жить будешь.

– Вы меня... изгоняете?

– Изгоняем мы за преступления или тех, кто нам ничего,
кроме вреда, принести не может. Тебя никто не гонит, кроме
тебя самого. Законов наших ты принимать не хочешь, себя
одним из нас не считаешь – так кто же ты? Вот когда пой-
мешь – приходи. А зря ноги не бей, дом не ищи. Вернется
чутье или нет, а пока сам себя Древним не почувствуешь,
пока снова одним из нас не станешь – не найдешь. В тебе
Древняя Кровь, ты наш, вместе с нами сражался, но если ты
и после этого сомневаешься – я не имею права поддерживать
тебя. Я не князь какой-нибудь – впрочем, и князя прислу-
шивались к своим боярам. Многие из нашего Круга увидели

в тебе будущего отступника, когда ты не вошел в Братство. Мы ценим свободу каждого, но ценим и свою, за нее слишком дорого заплачено.

Глава одного из Кругов Древнего Народа, правитель, главнокомандующий и прочая, почти что князь, подошел к Александру и положил руку на плечо.

– Прости, Саша... и постарайся понять. У нас свои законы. Каждый, в ком есть наша кровь – один из нас, и ты тоже. Но от Народа осталось слишком мало – мы говорим на разных языках, живем в разных странах, молимся разным богам. Большие народы могут позволить отдельным людям быть не такими, как все. Все, что у нас осталось, что нас объединяет – наши обычаи, наш образ жизни, мышление. Каждый из нас – личность, каждый видит мир по-своему – иначе мы и не можем. Но мы должны – понимаешь, просто должны! – отсеивать тех, кто не может быть одним из нас. Иначе мы будем принимать всех. В Европе и кое-где в России почти половина населения несет хоть каплю Древней Крови, треть проявляет какие-нибудь способности... Да ты и сам успел увидеть, наверное. Однажды мы почти растворились в этом океане. Пермьяк и прочие предлагают перевернуть мир, чтобы заставить всех людей видеть и чувствовать то же, что и мы. Да, тогда Древний Народ не потеряет свои знания. Мы потеряем свою культуру, свои обычаи, историю – в лучшем случае. В худшем просто вымрем – вместе со всеми.

– Я знаю, Олег. Ты мне уже говорил. Я знаю, за что вое-

вал, слышал о планах возвращения в мир древней магии. Но теперь я остался просто человеком. Вхожу в ту самую половину, но не в треть. Так что ты прав, я буду только мешать, путаться под ногами.

– Разве я об этом говорил? Мы своих не бросаем, помни это. Думаю, ты однажды сможешь снова стать одним из нас, пусть даже без способностей. Впрочем, о них ты тоже не забывай, всякое бывает. Просто теперь это только твой бой. Это я помешал бы тебе. Если я решу за тебя – это будешь уже не ты. Если не получится – лучше будь собой-человеком, чем тенью себя-Древнего. Иди. И если получится – возвращайся.

* * *

Глаза начали болеть, и никакая настройка и регулировка микроскопа не помогала. За окном все так же светло – июль месяц, день длинный. Укорачивается помалу, но за ужином это заметно, а на работе – нет. Сколько у нас там на часах? Ого, без пятнадцати шесть, собираться пора. Обработанные образцы – в шкаф, что не просмотрел – в ящик стола. Уменьшилась кучка, однако, день не зря просидел. Но и осталось солидно – наташили ребята. Пока это закончишь, еще подвезут, но тут уж кто другой пусть смотрит, в экспедицию проситься буду. Пусть не по своей теме, но и просидеть лето за столом... на то еще зима будет. Тут же кольнуло воспоминание о разговоре и лежащей в папке бумажке. Зима-то бу-

дет, а вот где будешь этой зимой ты сам? Еще и за квартиру скоро платить... Ладно, об этом потом подумаем. Экий ты нервный стал, Сашка. Руки-ноги-голова на месте – не пропадем. Бывало и хуже. Рабочий блокнот с записями – в другой ящик... А после работы сегодня – отдых души и радость сердца. Гитара и песня по кругу, возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть по одиночке. Пропадать – так с музыкой.

Хорошо, когда в нашем мире есть хоть что-то постоянное. Эта компания еженедельно собирается уже не первый год. Меняются люди (кроме хозяев и трех-четырех старых друзей), меняются песни, а чайник и диван те же. И то и другое – антиквариат. Хотя ценность и несколько уменьшилась от постоянного использования. Впрочем, продавать никто не собирается: вполне возможно, что лет через сорок здесь будут собираться дети тех, кто приходит сейчас. Точно так же соберутся кружком, будут попивать чаек с травами и распевать песни под гитару – или на чем они тогда будут играть? Наверно, все на них же. Доживем – увидим.

Трамвай лязгает и дергается, чем-то жужжит, воеет и вообще выражает свой протест. Давно пора если не на свалку, то в капремонт, а вместо этого люди его каждый день пытаются раздвинуть собственными телами, впихнуться, уместиться, загрузить сверх всяких пределов оба вагона – еще и требуют везти. Этот трамвай явно злится на людей и поэтому пытается вытрясти из них суетные души. Э-эк! Ребра-то не стальные, бабуса, куда ж вы с такой коробкой! Хряп-

хряп – что у вас там было, яйца? Очень им сочувствую. Мужик, выбрось палку, глаза людям выбьешь! Что, уже? Нет еще, только собираешься? И кому это? Ну да, а здоровья хватит? Мужик, тебе сейчас сходить, точно говорю. «Следу... я остан...ка кр-р-р...говый центр-хр-хр!» Нет, мне через одну. Давайте местами поменяемся, давайте. Вас бы на мое место... Впрочем, нет, не соглашусь. В принципе не так она и плоха – моя жизнь. Нормально живу. По-человечески.

– О, какие люди!.. – что всегда поражало в хозяине квартиры, так это умение радоваться приходу знакомых. Даже тех, кто приходил каждую неделю, Коля встречал как приехавших издалека дорогих друзей. Впрочем, действительно не виделись больше месяца... – Заходи, заходи! Дверь не запирай, сейчас еще народ подойдет.

Все места на антикварном диване были уже заняты, на стульях вокруг стола тоже сидели. Двое старых знакомых, кое-кого уже видел здесь, но имена мог и не вспомнить. Вроде бы студенты, компания достаточно странных романтиков. Любители фантастики и средневековой истории. Кого здесь только не встретишь! Трое явно незнакомые, раньше их не видел, это точно. И держатся особняком – значит, не компания привела. Ничего, потом узнаем, кто есть кто.

– Чаю кто-нибудь хочет? – Коля появился в дверях комнаты

со своим знаменитым чайником. Скоро про него здесь точно кто-нибудь песню сложит... в смысле про чайник. Хо-

заяину квартиры уже посвящали песни, стихи, его рисовали и даже лепили. Такой тут народ собирается – творческий. Или потребители и ценители творчества, что тоже неплохо.

Раньше еще и разного рода маги-экстрасенсы захаживали, но в последнее время что-то их поубавилось. То ли отделились в отдельное сообщество, то ли часть творческой интеллигенции этим уже переболела. Вполне может быть, что просто мода кончилась, такое тут тоже бывает. По крайней мере в бытность свою Древним (лучше бы не вспоминать лишний раз...)

Александр заметил у нескольких посетителей явные признаки «астральных» и «энергетических» занятий. Впрочем, а кто и где сейчас этим не балуется?! Вон у романтиков на диване тоже то и дело в разговоре мелькает: «Маги... заклинания... пятый уровень... а у него меч заговоренный оказался...» Скорее всего, очередную свою игру обсуждают, как раз сезон. Бегают по лесу в плащах, машут деревянными мечами, грибников пугают.

Когда Александр учился в университете, на его факультете тоже завелись люди весьма странные. Эльфы, понимаете ли. В прошлой жизни и другом, прекрасном мире они были великими воителями и совершали геройские подвиги, а сюда вот попали то ли случайно, то ли за прошлые грехи. Обчитавшись книг, где описывался их прежний мир, они вдруг вспомнили свое прошлое, вот только тела им на этот раз достались похуже. Большинство эльфийских героев оказались

девицами с кучей подростковых психологических комплексов и неудачной личной жизнью. Несколько парней, затесавшихся туда же, либо пытались ухаживать за «эльфийками», либо довольно быстро отказались от этой идеи. Кое-кто пытался всерьез заниматься магией – работали, как они себя называли, «астральными воинами».

Тяжелый, в общем-то, случай, но в принципе излечимый. Сейчас кто-то из тех «эльфов» обзавелся семьей и работой, не до прошлой жизни стало, эту бы наладить. Некоторые девицы таковыми же и остались – как эльфами, так и девицами. Последнее, впрочем, не факт, но на семью пока лаже намеков не было. Очень высокодуховные требования предъявлялись к претендентам – ежели не эльфийский государь, то непременно чтоб был рыцарем. Во всех смыслах. Еще чтобы и в доспехах разбирался, и мечом махал. И при этом не доходил до «грубого реализма» средних веков, а соответствовал образам из романов. Вопрос: как могут образовать семью два рыцаря? Почему-то эти девы молодые с глазами горящими в прошлой жизни были именно воинственными мужиками...

Олег как-то объяснял это повальное увлечение эльфами, магией и старинным железом «зовом Древней Крови». Где-то он, конечно, прав. У некоторых из сидящих на диване Александр мог разглядеть те или иные черты, а вспомнив уроки и своих былых знакомых – даже определить, откуда родом были их предки-Древние... но при чем здесь сексуальная ориентация?! У Древних с этим всегда все обстояло

нормально. А как же иначе? Если ощущаешь себя частью природы, то и свою исказить не будешь.

– Подвинуться можно? – это еще кто? Задумался, не заметил, как прошло время и подошел обещанный народ. За столом становилось все теснее.

Народ был разный, знакомый и не очень. Попросила подвинуться, например, девушка, которую вообще впервые видел. Впрочем, за ней протискивался между стульев старый знакомый. Понятно. У Лени новая страсть, ...надцатая за последние два года – Александр даже попробовал однажды подсчитать, но запутался и бросил это неблагодарное занятие. Вот у кого со слабым полом нет проблем! В каждую влюбляется с первого взгляда и навек, бурно расстается, потом рвет струны своей многострадальной шестиструнки и орет диким голосом нечто депрессивное собственного сочинения. После чего следующая отзывается на буйный вопль души.

– Привет, Леня!

– Здоров, бродяга! – мощный шлепок по протянутой ладони.

– Где пропадал? В микроскоп затынуло и вылезти не смог? Или сослали в степь и транспорта не дали? Катя, познакомься, это Саша, будущая надежда российской науки и бывшая опора Советской Армии!

– Оч приятно! А вы где учитесь? – Катя изобразила на лице вежливый интерес.

– Я уже отучился, работаю.

– Ребята, а потом поговорить нельзя? Тут народ еще в прихожей стоит! Проталкивайтесь, там на скамейке Мишку потеснить можно, не такой уж толстый. Коля, стулья найдутся или все уже здесь?

С романтического дивана донесся радостный вопль – приветствовали кого-то из пришедших. Возникла суeta, компания пыталась разместиться вшестером на трех местах. Как ни странно, это им удалось – правда, двоим пришлось сесть на спинку и опереться на книжные полки. Ничего, эта комната видала и не такое, в тесноте, да не в обиде.

– Ну, кто сегодня первым петь будет? – со стены снята гитара, голоса затихают. Почему-то каждый раз все стесняются, не хотят привлекать внимание... Нет, один все таки хочет – ну куда мы без него?! Ленька потянулся к инструменту...

– Не давайте ему, он опять про своего маньяка петь будет!

– чей-то возмущенный голос, как бы не со спинки дивана. Поздно! Жилистая рука уже дотянулась до грифа, по лицу поползла довольная ухмылка. Любит он доводить чувствительную публику своими песнями. Особенно с морем кровышши и кучей костей, а также иными анатомическими подробностями. И лицо при этом такое доброе, радостное...

Кое-кто демонстративно зажал уши ладонями – не поможет, только ухмыляться сейчас будет шире. И все равно споет.

И спел ведь. Послушать его (а еще лучше – посмотреть

на хищный взгляд во время исполнения), так можно решить, что девиц своих он потрошит – медленно и живьем. Или так же медленно и живьем поджаривает и съедает. А потом плачет от голода и отлавливает новых. Маньяк. Садист. Пропел свое и хищно любит произведенным эффектом.

– А сейчас я... – гитару все-таки отобрали. На диване запели про звон клинков, дороги, серые плащи и еще про что-то подобное. Неплохо запели, надо отдать должное. Одна из новеньких, длинная и худая, как сосновый ствол. Хорошо поет, но песня какая-то мрачная. «Короче, все умерли», как говорит в таких случаях Мишка. И глаза при этом... словно ее в это время Леня пытается всеми ранее пропетыми способами. На кого-то она похожа. Вспомнить еще бы, на кого?

Нет, не припоминается. Наверное, что-то неуловимое, как бывает у дальних родственников. Рядом поставь – все заметят, а вот так сразу... Но Древняя Кровь в ней точно есть. Даже по двум линиям. Европа, северо-запад – «Высокий Народ», и наша родимая, лесная среднерусская, вон какой «хвост» пепельно-русый. Верхним зрением... Нет у него теперь верхнего зрения. Да и вообще, теперь Олег сам будет высматривать «своих». Со временем, может, и на нее внимание обратят. Сделают из менестрельши знахарку, раненых лечить...

Ленька перебил, дотянулся через стул, не дал дослушать:

– Ты чего сегодня один?

– А с кем мне теперь быть?

– Поня-я-тно... С чего это у вас?

– Слушай, давай не будем об этом. Так получилось. Не сошлись характерами. Лучше сейчас, чем через десять лет.

– Это точно. Не расстраивайся, бывает. Какие наши годы! Только глупостей не наделай.

– Я что, похож на молодого и глупого?...

– Ну, на молодого уже не очень, а вот... Ладно, ладно, шучу!

– Шуточки у тебя, отец-пустынник... Обратно в пустыню тебя с таким юмором! – почему Леню прозвали Пустынником, не знал никто. Вполне возможно, что он и сам забыл. По крайней мере, на все расспросы каждый раз отвечал новой версией. Но отзывался на прозвище чуть ли не быстрее, чем на имя. Даже на концертах и местном телевидении выступал без фамилии.

Гитара тем временем переместилась куда-то ближе к середине длинного ряда стульев.

– ...Это песня не моя, а Юрия Шевчука, называется она «Мертвый город на Рождество»...

По всему телу Александра пробежали ледяные муравьи – от ног к затылку. Слышал он уже эту песню – не всю и краем уха. Некогда было вслушиваться, а жаль. Или к счастью. Парнишка, взявший гитару, явно хотел связать рыцарские битвы с современной войной, горевшей и корчившейся у подножия Кавказских гор... Ты воевал, парень? Или просто переживаешь за ребят? Все равно спасибо. Это о другом

городе, о случившемся гораздо позже, но и про нас тоже...

* * *

«Не пройти мне ответом там, где пулей вопрос...»

* * *

...— Уйди, салага! Сиди, не высовывайся,... твою пер...!!! Без вас тут!.. — «дед», двадцати лет от роду, не договаривает, коротко и неприцельно строчит по нависшей над казармами «многоэтажке». Грохот, еле слышный звон катящихся гильз. Красные искры трассера — рикошет, в бетон ударило. — Кому сказал, пошел на...!!!

— Меня взводный послал! — тут же доходит двусмысленность ответа. «Дед» не обращает внимания, следит за темными окнами. Ночь не кончается — сумасшедшая ночь, начавшаяся трое суток назад. Никто не отделял опытных от новичков, никто не уводил «салаг» в безопасное место. Не стало их, безопасных мест, когда толпа перекрыла грузовиками, тракторами и собой все выходы из части и потребовала сложить оружие. Сегодня в полночь начался прорыв навстречу подходившим из Союза войскам. Танкисты застряли на баррикадах где-то в городе, километрах в трех — временами доносился сердитый рев моторов и перестук пулеметов.

А по воротам, по казармам, по санчасти с окрестных домов стреляли, стреляли, стреляли...

— ... тебя с твоим взводным! Сиди за углом, «рожки» набивай! — снова очередь. Еле слышный хлопок над головами. — Ага, падла, вот ты где!

Автомат в руках «деда» дергается, втыкает быстрые алые иглы в блестящий квадрат. Тот на глазах темнеет, роняет осколки зарева вдоль стены — не сразу понял, что это падает разбитое стекло. Правее блеснуло — почему-то белесо-голубым, или так кажется? Автомат замолчал, «дед» пошатнулся, прислонился к стене. Тихо захрипел, выдавил из себя: «Попали» — и сполз вниз.

Александр вскинул свой «акаэс», одной отчаянной очередью выпустил магазин по окну справа. Лихорадочно рванул из рамки приклада индпакет:

— Ребята-а! Митя-я ранило-о!

* * *

"...С Рождеством вас, железо! В подвале темно. Сколько душ погубило напротив окно?..."

* * *

...Четверо, пригибаясь, тащили носилки с пятым. При-

остановились. Впереди, за углом казармы – пустое пространство, дальше – заборчик и сквер перед санчастью.

– Прикройте! Ну, раз, два... пошли! Эх, мать...!!!

Казарма словно взорвалась. Дом напротив осветило дрожаще-розовым. Огненные, грохочущие пальцы трасс вспепую шарили по крыше и окнам, надеясь дотянуться до тех, кто сейчас смотрел на пятерых. Не успели. Не нашли. Три горячие струи брызнули с третьего этажа. Две красные – в казарму, заставляя автоматчиков отшатнуться, спрятаться за каменные стены. Одна белая ширкнула по асфальту, ударила в бегущих...

– А-а-а, су-у-уки-и-и!!! А-а-а-а!!!

Неизвестно, кто закричал – один из упавших или тот, кто кинулся к ним от казармы. Хлопок. Знакомый звук. Так стреляют «мелкашки», спортивные малокалиберные винтовки. Бежавший споткнулся и покатился по асфальту. Снова застрекотали «калашниковы», третий этаж огрызнулся коротко и зло. От санчасти отделилась фигура в белом халате. Хлопок. Темное пятно на белом, шевелящемся на земле. Корчащиеся, стонущие тени рядом. Кто-то ползет к скверу, пытается спрятаться за дерево. Перестрелка. Хриплый голос:

– «Пачка», «Пачка»! Я «Куст»! К «крестикам» не посылай! Не посылай к «крестам»! Там «точка» и «солист», повторяю, «точка» и «солист»! У меня «трехсотые», шестеро! Шесть «трехсотых»! Подавить не могу, дай «коробку»! «Ко-

робку» дай, надо «трехсотых» вытащить! «Шилку» дай, БТР не возьмет!

Треск стрельбы перекачивается над казармами. Воинская часть Советской Армии отбивается от представителей одного из советских народов. Гордый народ. Обиделся на то, что ему не дали суверенно вырезать представителей другого народа. Тоже советского. Братского. В клубе части, в казармах, в столовой – две тысячи сбежавших сюда из города, от погромов. Может быть, и больше – никто не считал. Не до того.

Приближается, нарастает лязг. «Коробочка»? Не та. По дороге между казармами и забором, над которым высится дом с «точкой», промелькнули три БМП, скрежетнули траками, доворачивая. На башне последней вспыхнула красная искорка. Кто-то не вытерпел, попробовал пулей броню. Ну-ну.

Наконец из-за поворота вывернулась «Шилка». Угловатый брусок корпуса, плоская широкая башня и четыре стволика. По сравнению с танковыми «бревнами» они кажутся смешными, несерьезными. Пока молчат. Командир знал, что делал, когда просил именно эту зенитку.

– Кто тут рядом?! Шатунов, Кулиев, Сидорин! Пока она работать будет, тащите раненых, вам оттуда еще помогут! Остальные – прикрываем!

Башня заворочалась, задрала стволы вверх, словно обнюхала дом. Из казармы полетели трассера, указывая на третий этаж. Похоже, в доме засел кто-то очень глупый или храб-

рый: длинная пулеметная очередь простучала по броне, запрыгали искры. Надеется ослепить наводчика? Поздно. Ночь вспорол чудовищный рев. Так мог бы реветь тигр, будь он размером с «Шилку». Четыре слепящих потока хлынули в окна, разгрызли стены и перекрытия, выбросили искристые хвосты из-за дома...

– Засмотрелся!!! Работай, чмота! – пинок под нижние пластины бронезилета вернул Александра в провонявшую порохом ночь. Побежал. Подхватил кого-то под мышки, поволок по земле...

* * *

«А наутро выпал снег после долгого огня...»

* * *

Не было у них тогда снега. Было серое небо. Пыльно-зеленые низкие оливы, растущие вдоль улиц. Эхо очередей – в городе продолжали постреливать снайперы, подошедшие войска в ответ били по чердакам. В «мертвой зоне» под забором сидели и лежали на высохшей траве солдаты – резервисты, неделю назад срочно призванные и брошенные сюда, на подмогу. Если бы не эти небритые, падающие с ног от усталости мужики... Оружия достаточно. Держать его бы-

ло некому. В части оставалось не больше пятисот человек, треть – такие же, как Александр, «салажата». Половина – местные жители, которых не рискнули послать в «горячие точки» этой республики. Никто не мог предположить, что бои будут идти в ее столице.

Мирное время. Большой советский город. Перестройка, демократия, гласность. Стучат молотки – готовится к отправке «груз двести»... Сегодня Александр мог бы лечь в такой же ящик. Кто из погибших – вместо него? Тот, который не добежал до санчасти? «Дед» Митяй с пробитой грудью улетел в Москву, в «Бурденко», на госпитальную койку – вместо него? В покинутой квартире, той, что была за правым окном, при проческе нашли карабин и убитого снайпера. Молодой, не старше Митяя, с черной щетиной на щеках и подбородке, в свитере домашней вязки. Без затылка, кто-то попал в скулу и горло. Кто?

* * *

Слишком разные они были, несовместимые – всплывшие в памяти события и эта комната. Уже звучала другая песня, на диване говорили о чем-то своем – ухо поймало слова «древние знания». Опять какую-то магию затеяли, в астрал на прогулку собрались... астралопитеки! Не хотелось влезать в разговор. Не хотелось вообще сидеть остаток вечера здесь – не то у него сейчас настроение для теплой компании.

Допил чай, поднялся.

– Уже уходишь, Саш? Вечер только начался!

– Не могу, дела. В следующий раз посижу подольше. Пока, народ!

Протиснулся к выходу, по пути пожал руку на плечо парню, спевшему «Мертвый город»:

– Спасибо, земляк. От всех. Спасибо.

Выходя из комнаты, поймал взгляд той, что пела о рыцарях. Удивленный. Внимательный. Какой-то... подозрительный, что ли? Почему-то стало неуютно. Хорошо, что лето – долго одеваться не надо, попрощался с Колей и вышел.

Пока Александр шел к трамвайной остановке, его не покидало крайне неприятное ощущение. Даже оглянулся – не идет ли кто сзади, не уперся ли взглядом в спину? Никого. А ощущение осталось, спина и затылок свербили до самого дома. Ночью приснились кроваво-алые трассера на лиловом небе и золотистые змеи, вьющиеся между ними.

ГЛАВА 5

– Чем порадуешь, Илья? Разобрались с этой гадостью?

– Нечем радовать. Лучше спроси, что у нас плохого, я тебе сразу отвечу.

Лицо Олега помрачнело, брови сдвинулись к переносице:

– Даже так? Неужели настолько серьезно?

– Серьезнее, чем ты думаешь. Я и сам не ожидал. Мы с таким столкнулись впервые – причем не только на моей памяти. В архивах пока ничего не нашли, а это больше шести веков. Я попросил другие Круги поискать, мы все-таки из Младших...

– Но и не самые молодые. Ладно, можем и Европу запросить. Сам-то ты что думаешь, это что-то действительно новое или просто хорошенько забытое старое?

– Думаю... Было бы хоть за что зацепиться! Поражения у Ивана тяжелейшие, а следов воздействия почти никаких.

Знаешь, на что это больше всего похоже? На грудного младенца, на то, как развиваются его реакции. Только все происходит наоборот и гораздо быстрее. Когда Ваню удалось успокоить, он еще был на что-то способен, пытался говорить. Три дня назад он давал понять, когда хотел есть или пить, сам жевал. Сегодня он лежит, иногда шевелится, реагирует на наше присутствие, но на чем-нибудь сосредоточить взгляд уже не может.

– А тонкие структуры? Верхние тела?

– Почти полный распад, причем прогрессирующий. Не отделение, а именно распад, причем сверху вниз. Оболочки, связи, ритмы – все это разрушается, расплзается не то что в кашу – в первичный бульон. Это смерть души, Олег – не уход, смерть, прямо здесь, на наших глазах.

– Думаешь, Та Сторона?

– Нет. По крайней мере, не только они. Или же Оттуда вылезло нечто такое, чего до сих пор не было. И еще – ни Пермяк, ни изгой здесь не при чем. Это я тебе могу сказать точно.

– Точно... Не надо было начинать, мудрецы с мозгами в заднице и шилом там же! Хочешь сказать, что эти ягодки не от тех же цветочков? Вот она и приходит в мир – другая жизнь, новая магия! «Придется приспособливаться к новым условиям...» Вот и приходится, мать его!.. В «психушках» узнавал, у них подобных случаев не было?

– Нет. Вообще все на среднем уровне. Я сам прошелся, еще позавчера – все как обычно. Случая три-четыре – из-за нежити, двое слишком усердно колдовали, остальные – обычные психи. Так сказать, нормальные ненормальные: у кого наследственное, кому телевизор меньше смотреть нужно было, сектанты разные есть, один наркоман на голоса жаловался.

– И какие голоса?

– Небесные. Брось, говорят, травку курить, а то рог на

носу вырастет. У него нос чесаться начал, он и прибежал в больницу, чтобы зародыш рога удалили. К нашим делам это вряд ли имеет отношение.

Оба какое-то время помолчали.

– Олег, а что с этим твоим... Шатуновым?

– Думаешь, есть какая-то связь? Сейчас он живет сам по себе, вроде бы ничего особенного не замечено. Несколько раз наши его видели в городе – все в порядке. А с посохом этим что-нибудь прояснилось?

– Это ты лучше у Николай Ивановича спроси. Но делали его явно не по книжечкам с лотков. Никакой Элифас Леви о подобных вещах не писал, и кадуцею эта штука весьма дальняя родственница. Во-первых, там были змеи, а здесь можно различить крылья и еще кое-какие детали, так что это, скорее, два дракона. Во-вторых, камень. Если бы Иваныч разрешил, я бы подробнее исследовал, но пока могу сказать только одно – это не самоцвет и вообще не кристалл. Больше похоже на янтарь или перламутр, часть чего-то живого и очень древнего. Вделано в дерево так, что только самая верхушка торчит.

– А само дерево?

– Ничего особенного, еловая палка, года три назад срубили. Обработали паяльной лампой или чем-то наподобие, вырезали узор, отлакировали. Самое интересное – узор. Вроде бы сам стиль наш, даже не просто Древних, а русской ветви. Только сделан неправильно, не должен работать. И дерево резал не наш мастер. Вообще неаккуратная резьба, ошибок

много, никакого умения, у изгоев резчики и то лучше. Такое ощущение, что кто-то видел нашу работу и потом попытался повторить. Или случайно совпало, не думал, что делал – просто как в голову пришло. Однако работает же, и еще как!

– Ты думаешь, кто-то из скрытых Древних? Способности сами собой раскрылись, как Пермьяк предполагал?!

– Нет, это вряд ли. Место обряда и все прочее... Там профессионал работал. Точнее, кто-то под руководством профессионала. Семеро «проснувшихся» Древних сразу? Еще и нашли друг друга и нас не заметили? На кого тогда ловушка поставлена – на кабана?

– Этот полу-Древний мог работать на людей. Точнее, быть одним из них – может быть, даже тем же самым профессионалом. Драконы, говоришь? А про такие группы, как «Орден Зеленого Дракона», «Черный Дракон», «Золотой Дракон» – забыл?

– Нет, не забыл. Только у них другой стиль. Молниями они до сих пор не баловались. Родство наверняка есть, все они «темненькие»... только здесь силы больше, чем у них всех, вместе взятых. Олег, ты же сам проверил всех местных «кошкодавов», никто не мог такое устроить. Лучше давай вернемся к моему предложению – подождем, пока хозяева посоха не сделают еще один шаг.

– А ты уверен, что уже не сделали? Что, если Ивана достали именно они? Он тогда на пожарище дольше других пробыл.

– Но накрыло его не тогда, а при чистке леса на Жигулях. Извини, не вижу никакой связи. Там была совсем другая ситуация, и симптомы не те, что у Александра. И с Володей ничего не случилось.

– Сплюнь через плечо!

– Не наш обычай. Что-то ты суеверным становишься...

– Сплюнь, говорю! И по деревяшке постучи! Вот так. Тут скоро сам не будешь знать, чему верить... На Жигулях Ваня в верхнем охранении был, отгонял мелочь нечистую, могло повлиять. Допустим, какая-то отметка появилась, по которой его нашли. Или брешь в защите, которая проявляется только в определенных условиях. Ладно, мы с тобой сейчас сотню возможностей переберем. Поди найди нужную... А Саша сейчас ничем не занимается, от нас отошел – с чего бы на него силы тратить? С их точки зрения, ловушка сработала, враг больше не опасен.

– А если способности вернуться? Врожденное не уберешь. Тем более что он уже знает, что и как искать, как подготовиться...

– Я надеюсь, что вернуться. Но на это у него уйдет не месяц и не два, а через полгода о нем забудут. В конце концов для этих семерых случай с ним – наверняка только эпизод. Неприятный, но прошедший. У них найдутся более важные дела, придется держать в голове много всего сразу. Если никому из них на глаза за это время не попадется, забудут. Тем более что в лицо они его не знают, а верхним зрением все-

го не различишь. Помнят отпечаток тех его способностей, мыслей, чувств... ну, может быть, что-то из природного. Про посох я тоже помню, как и про то, что у него внутри. Поэтому и прогнал. Ему это все своей волей ломать. Если придет к нам – сам придет, не придет – то и изнутри уже изменился. Сам посох у нас, так что по крови тоже не найти. Что им еще остается?

– Знать бы, что они могут... всего ждать приходится. Да, а вот такой вариант ты предусмотрел: он захочет вернуть свои силы, будет искать учителя – и подастся не к нам? Мы ведь его однажды уже выгнали, из гордости не придет, пока своего сам не добьется. Или с чьей-то помощью, но только не с нашей. Ты не думаешь, что как раз то, что внутри, может его привести к тем же семерым уже как ученика или слугу?

– Подумал, Илья, подумал. Я тут навел кое-какие справки – у него сейчас не самый легкий период: любовь не удалась, на работе неприятности из-за этого отпуска, могут уволить... Он парень крепкий, не сломается. Но думать ему сейчас придется не о чутье, а о зарплате и о жилье. Ну, может быть, еще о девушках. Вот когда найдет работу – видно будет, куда дальше пойдет. Если к родителям уедет – там его точно не достанут, городок тихий, кроме наших, там только мелкая самодеятельность магией занимается. Ну и как обычно – пара бабок заговорами подрабатывает и молодежь кошек вешает – развелось, однако, сопляков! Но именно что сопляки. Сашка это прекрасно знает. Если в городе задер-

жится – тогда другое дело. Скорее всего он попробует остаться.

– А что его здесь держит?

– Друзья. Друзья, товарищи, однокурсники, память о вольных студенческих годах. Свобода и культура. Это нам с тобой большой город дышать не дает, а ему еще в маленьких тесно.

Да и подругу себе под стать здесь найти проще, у него требования – ого! Наша кровь чувствуется, «телки» не нужны. Там-то он будет первый жених, да только все первые невесты в таких местах уже расхватаны. Малолетка ему не нужна, а из школьных подруг его никто не ждет.

– Почему ты так думаешь? Хотя да – армия, учеба... хотел бы остаться дома, остался бы сразу.

– Вот именно. Или после университета вернулся.

– Задача, однако. Можно только туда, куда нельзя. А третьего, случаем, не дано?

– Может, и найдет. Посмотрим.

– Смотри внимательно, Олег. Нутром чую – что-то с твоим парнем связано. Сам знаешь, нутро у меня чуткое.

– Знаю, знаю. Ладно, поговорили – давай заниматься делами. В Ярославле один колдовской клан на сторону Пермьяка перешел, слышал?

– Слышал. Это который, Славичи?

– Нет, эти просто в стороне остались. Тут для нашего круга еще хуже – род Хорта. Они с нашими колдунами в родстве.

Боюсь, как бы не переманили. Наши-то недовольны еще с тех пор, как у них строители капище перерыли, кому-то особняк с хорошим видом потребовался.

– Да-а, не хотел бы я в этом особняке жить...

– Так и заказчик не живет. Они еще хотели его могилу разрыть, да больно гранит тяжелый поставлен.

– Это что ж, они сами его и...

– Нет, конечно. Они его честно предупреждали, что место проклятое – не послушал, крутой очень оказался, еще и пригрозил. Не успел вселиться – его самого «заказали». Не наши, мы проследили – его же зам и деньги выделил. А колдунам теперь что толку-то – хоть снеси этот дом, сделанного не вернешь. Теперь они злятся на весь город, так что могут и прислушаться к родичам. Они и так место держали сколько могли – когда закладывали его, до города семь верст было, а теперь все вокруг застроено, до трамвая десять минут хода...

* * *

Это была еще не настоящая осенняя грязь. Настоящая грязь прилипает к ногам, лапам, колесам, держит, с недовольным чавканьем отпускает добычу – все равно никуда не денешься, завязнешь... Поздней осенью даже по лесным дорожкам не так-то просто пройти-проехать. Приходится выбирать местечко посуше, перепрыгивать, идти по кочкам – и все равно время от времени будешь сдирать с ног липкие

бурые гири-кандалы...

Но сейчас осень была не то чтобы ранней, но все еще золотой. Бабье лето подсушило землю, а быстрые дожди промочили лес ровно настолько, чтобы смыть пыль. Восемь копыт почти неслышно вдавливались в тропу. Ехавший впереди обернулся, блеснув сединой на виске:

– Саня, здесь осторожнее. Ветки нависают, к шее пригнись.

– Вижу, Юрь Натаныч.

– Видишь – это хорошо. Ружье перевесь, так стволом зацепишь. Ничего, десять раз проедешь – и не видя пригнешься. А через пяток лет – и ночью на скаку, раньше, чем сообщу.

И действительно, говоривший отклонился, даже не глядя вперед – ровно настолько, чтобы клены не подцепили его за брезентовый ремень на плече и не сбили пятнистую кепку.

– Как, привыкаешь к седлу помаленьку? Дело хорошее. Я поначалу тоже никак не мог приспособиться, все на «козле» ездить пытался. Привык к технике, а тут живое, еще и ноги болят. Ничего, сейчас даже нравится. «УАЗ» – машина хорошая, но не всегда и не везде пройдет. И шумит – я не слышу, меня – все, за версту, что люди, что звери. Пешком много не находишь, зимой особенно.

– А лыжи?

– Это по степи на лыжах хорошо или по дороге, а по кустам... Да и так – до первого пенька. Нет уж, у меня свой вез-

деход. Точно, Сорока? – Юрий Натанович погладил лошадь между ушами. Уши дернулись, блеснул черный глаз – чего хозяин хочет? – Погоди, потом угощу. Тебе, Сань, повезло, что я вторую себе завел, как раз этой весной с начальством переговорил. Косить только больше приходится, ну так с того года вдвоем будем. Луга у меня хорошие, заливные – возле Гнилухи, завтра покажу. Все взвыли – бензин дорожает, а мои сами себе горючее возят. Я еще приглядел в лесхозе косилку, да они ее до ума никак не доведут, а мне не дают. Ничего, договоримся.

– А овес где берете?

– Э-э, чего захотел! Овес нынче дорог. Да и сеют его мало. Пяток мешков я у районного начальства добыл, а так больше пшеницей. Тут у меня один фермер побаловаться решил, ну ему эта пара зайцев и вышла... не самый большой убыток, и всем хорошо. Я ему еще и грибов сушеных подкинул, этот год урожайный.

– Так что, без протокола? Как же закон?

– Ты что, маленький? Или в Европе вырос? По закону я у него ружье отобрать должен был, а с чем бы он остался? С вилами, радостных соседей приветствовать? У него семья, у меня семья. Хоть все и выросли уже, а иной раз помочь надо. Учись жить с людьми, Александр, учись. Мы тут вроде бы одни, а без других не проживем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.